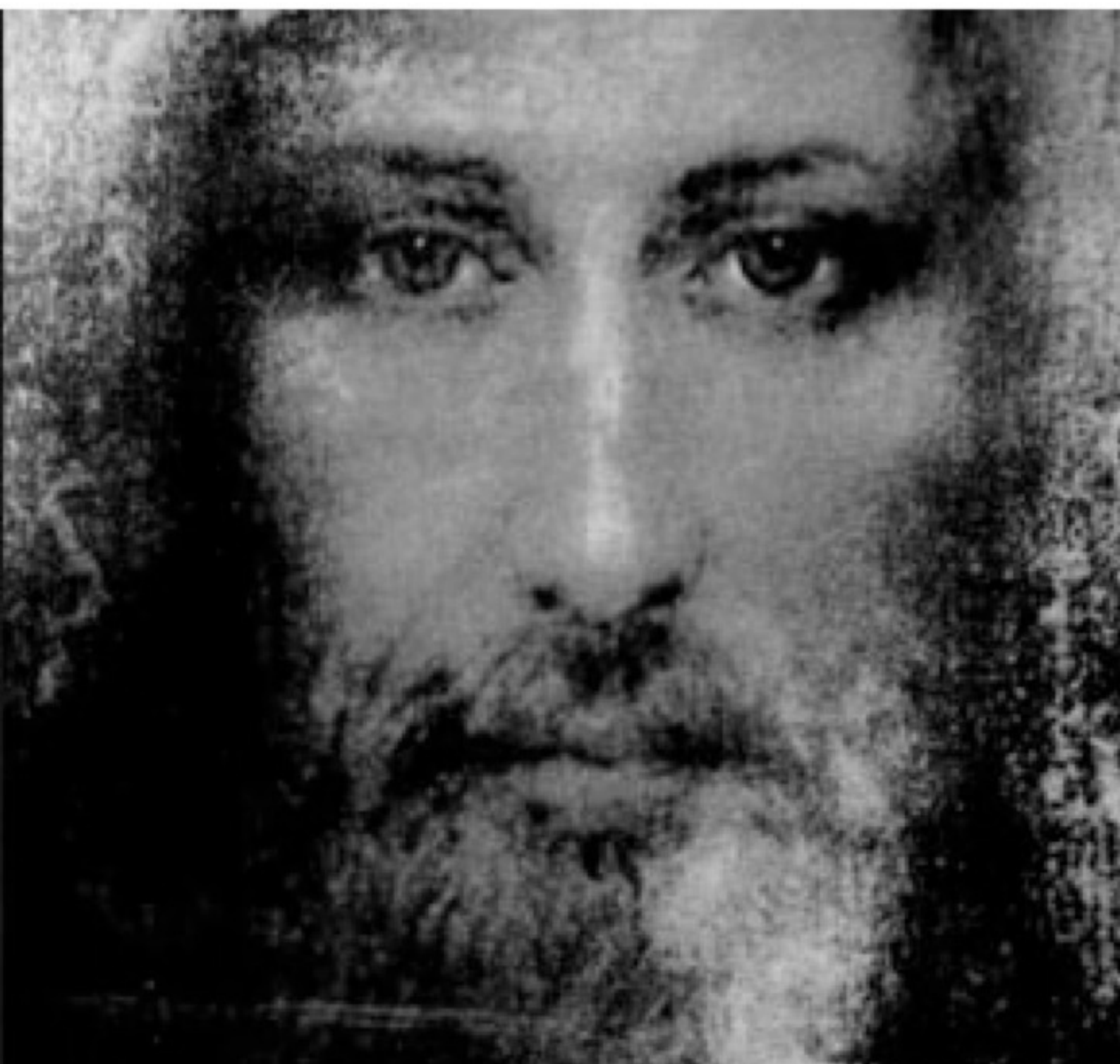

Андрей Лазаренков

Партия Иисуса

Очерки общественного служения Иисуса Христа

Андрей Лазаренков

**Партия Иисуса.
Очерки общественного
служения Иисуса Христа**

«Издательские решения»

Лазаренков А.

Партия Иисуса. Очерки общественного служения Иисуса Христа / А. Лазаренков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835136-5

Основываясь на древних документах, а также на работах современных исследователей, автор воссоздаёт подлинную историю земной жизни Иисуса из Назарета.

ISBN 978-5-44-835136-5

© Лазаренков А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Партия Иисуса
Очерки общественного
служения Иисуса Христа
Андрей Лазаренков**

© Андрей Лазаренков, 2016

ISBN 978-5-4483-5136-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Ну, вот ты сидишь здесь, разглагольствуешь о каких-то там революциях, о том, что народ не имеет возможности жить хорошо, и всё такое. У тебя, молодого парня, есть здоровье, годы впереди, перспективы. Ты сам пытаешься что-то сделать, соскочить из этой маргинальщины? Поработать слегка, девушку завести, свозить её на море. Свитер себе купить без дыры на рукаве, наконец. К чему тебе вся эта атрибутика лузерства?

Сергей Минаев «ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке», 2006 г. [1].

Историю появления этой книги вкратце можно изложить так. Давным-давно, ещё в «лихие девяностые», воодушевлённый грандиозными переменами в общественной жизни, я не на шутку увлёкся политикой: участвовал в возрождении казачества, создавал вместе с единомышленниками свою собственную партию, состоял в ряде других организаций и движений. Славное было время! Я встречался с самыми разными людьми, устраивал политические акции, рисовал плакаты, клеил на заборах листовки, читал «революционную» литературу, в общем, как говорится, отдавал всего себя политической борьбе без остатка.

Разумеется, все эти занятия отнимали у меня уйму времени. Свою основную работу я тогда, к счастью, бросить не догадался, но все вечера, все выходные дни были заняты партийными мероприятиями. На этой почве у меня вскоре начались трения с родственниками. Они решительно не одобряли моего увлечения политикой и всё время старались объяснить мне, что я, – взрослый солидный мужчина, и даже более того – врач! – занимаюсь какой-то чепухой и позорю их благородные седины. «Бросай ты эти свои глупости, – говорили они с раздражением, – в детстве, что ли, не наигрался? Займись, наконец, настоящим мужским делом: благоустраивай дачу, делай ремонт в квартире... Сколько можно дурака-то валять?!»

Но я их не слушал. Да и как мог слушать, если был непоколебимо уверен, что ещё одно усилие, ещё один последний рывок – и все мои самые смелые планы увенчаются успехом. Разве можно было бросить всё это на полдороге?!

А отношения с родственниками между тем всё обострялись. Особенно негодовала жена, теперь уже бывшая. «Выбирай, – кричала она, – я или твоя партия!» Я же в тогдашнем своём состоянии, конечно же, выбирал партию. И скандал поэтому следовал за скандалом...

И вот однажды после очередной такой ссоры я в изнеможении упал в кресло и, чтобы хоть немного развеяться, достал с полки первую попавшуюся книгу. Ею оказался Новый Завет. Помню, без особого желания я раскрыл его где-то на середине и прочитал:

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; Ибо Я пришел разделить человека с отцом, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:34—38).

Эти слова поразили меня до глубины души. «Как, – подумал я, – Иисус, оказывается, тоже попадал в ситуацию, подобную моей? Ему тоже, оказывается, приходилось терпеть от родственников (а родственники у него были, это я знал) нарекания за свою общественную деятельность? Значит, и у него были переживания, сходные с моими? Что хотите со мной делайте, – решил я тогда, – но эту странную фразу – „И враги человеку – домашние его“ – по-другому понять невозможно!»

Заинтересовавшись, я стал внимательно изучать Евангелия именно под этим углом зрения и, действительно, обнаружил много других свидетельств, подтверждающих моё первоначальное мнение. Ну а потом результаты своих исследований я решил перенести на бумагу.

Так и появилась на свет книга об Иисусе Христе. Она вышла в Волгограде крохотным тиражом и называлась «Партия, которую создал Иисус». Надеюсь познакомить с этой книгой как можно больше читателей, я разместил её в Интернете. Здесь моя книга имела успех. Она быстро распространилась по многим электронным библиотекам. Её комментировали на форумах. На неё ссылались в статьях, посвящённых евангельским событиям. Отзывы о ней появлялись в прессе, в том числе и столичной.

Для меня этот успех оказался в значительной степени неожиданным. И тогда я решил книгу переделать. В своё время, желая придать ей больше занимательности, я в некоторых случаях перешёл за грань чисто исторического повествования. Теперь мне это стало казаться совершенно недопустимым. Берясь за переделку книги, я старался сделать её более строгой и научной, без сенсационных гипотез и недоказуемых предположений.

* * *

Прежде чем начать своё повествование, я хотел бы предупредить читателей о том, что данная работа представляет собой сугубо светскую версию жизни Иисуса из Назарета и не имеет никакого отношения к богословским проблемам. Более того, не желая спорить с профессиональными богословами, я старался как можно меньше касаться учения Христа, ограничив круг разбираемых мною вопросов лишь историей его общественного служения.

Именно по этой причине я не стал придерживаться орфографии, принятой в церковной литературе, и, в частности, употреблять написание местоимений, относящихся к Иисусу, с прописной буквы (например, вместо «свой» – «Свой», вместо «с ним» – «с Ним» и т. д.). В самом деле, если это не богословская работа, то зачем придавать ей вид церковной книги? После некоторых сомнений и колебаний я решил все местоимения, относящиеся к Иисусу-человеку, писать со строчной буквы, и лишь там, где говорится об Иисусе-Боге, – с прописной, как это и принято у церковных авторов. Во всех цитатах, которые были необходимы для подтверждения той или иной моей мысли, я сохранил орфографию первоисточника.

Что же касается цитируемых документов, то я почти не пользовался богатой апокрифической¹ литературой первых веков христианства. Во-первых, потому, что, по всеобщему признанию, четыре канонических Евангелия (Иоанна, Матфея, Марка и Луки) дают наиболее достоверную и непротиворечивую информацию о Христе, а во-вторых, апокрифы отвергнуты Церковью, и, чтобы не выпадать из общего с нею информационного поля, я решил исключить их из своей работы, хотя большинство исследователей-библистов апокрифы широко используют и цитируют. Для воссоздания исторической обстановки, национального колорита, описания современников Иисуса и т. п. я привлекал любые источники, какие мне казались необходимыми.

Что из всего этого получилось – судить читателям.

¹ Апокрифы – от «апокрифос» (сокровенный, тайный) – книги неизвестного или сомнительного происхождения, исключённые из Священного Писания.

Глава 1

В поисках исторического Иисуса

Научный поиск исторического Иисуса явился попыткой обнаружить минимум достоверных фактов о человеке Иисусе из Назарета для того, чтобы обеспечить надёжное основание христианской веры. Эта попытка оказалась неудачной. Исторический поиск обеспечил большую или меньшую вероятность Иисуса. На основе этих вероятностей и писались «скетчи» о «Жизни Иисуса». Но они походили скорее на романы, чем на биографии...

Пауль Тиллих «Систематическое богословие», 1950 г. [2].

1

Существовал ли Иисус Христос как реальная историческая личность? Можно ли, опираясь на Евангелия, воссоздать историю его земного бытия?

Впервые люди серьёзно задумались над этими вопросами в середине XVIII столетия, в эпоху Просвещения, когда развитие естественных наук поколебало непререкаемый авторитет Церкви и сделало возможным (и безопасным) критическое изучение библейских текстов. В глазах учёных Библия утратила статус Божественного откровения, ниспосланного свыше, и стала рассматриваться всего лишь как обычное литературное произведение, для которого пригодны те же самые методы научного анализа, как и для любого другого письменного источника. Применительно к текстам Ветхого и Нового Заветов эти методы были названы библейской критикой.

Насыщенность евангельских рассказов разного рода сверхъестественными событиями (воскресение умерших, непорочное зачатие, хождение по водам и др.) привела некоторых учёных к мысли, что Иисус вообще никогда не существовал, и является всего лишь мифическим, сказочным персонажем, наподобие Гермеса или Посейдона. Впервые такую мысль высказал в 1774 году французский астроном и адвокат Шарль Франсуа Дюпюи (1742—1809). Пытаясь свести христианство к набору древних мифов, он утверждал, что под именем Христа люди обожествляли Солнце. Считается, что от Дюпюи берёт своё начало мифологическая школа, отрицающая историчность Иисуса Христа.

Идя по его стопам, немецкий философ-гегельянец Бруно Бауэр (1809—1882) обратил внимание на тот факт, что, кроме Евангелий, Иисус почти не упоминается в античных сочинениях – ни у еврейских авторов, ни у языческих. Это дало ему повод утверждать, что о Христе в то время ничего не было известно за пределами христианской общины, и, следовательно, он является плодом воображения первых христиан.

Среди более поздних приверженцев мифологической школы следует упомянуть Джона Робертсона, Поля-Луи Кушу, Артура Дрекса, Бертрана Рассела, Роберта Прайса, а из отечественных – Роберта Виппера, Абрама Рановича, Иосифа Крывелёва. Все они тем или иным способом пытались доказать, что Иисус как реальная историческая личность никогда не существовал, являясь вымышленным персонажем, возникшим в результате переработки древних восточных мифов об умирающем и воскресающем божестве.

Мифологическая теория не пользовалась особой популярностью среди исследователей Нового Завета. Большинство учёных не принимало её, полагая, что человек с именем Иисус в принципе мог когда-то существовать. Правда, что касается его конкретной роли в истории, то здесь между исследователями единодушия не было. Основоположник рациональной критики Нового Завета Герман Самуил Реймарус (1694—1768) считал, например, что Иисус был всего лишь человеком, неудачно претендовавшим на роль Мессии. По Реймарусу, Иисус дважды пытался поднять восстание – в Галилее и перед въездом в Иерусалим.

лим – и оба раза неудачно. Чтобы замять скандал, связанный с его поражением и позорной казнью на кресте, ученики придали смерти Христа искупительное значение и придумали рассказ о его воскресении. Выводы Реймаруса по тем временам могли показаться неслыханным вольнодумством, поэтому, опасаясь гонений, он даже не решился опубликовать результаты своих исследований. Лишь после смерти Реймаруса немецкий поэт и философ Готхольд Эфраим Лессинг издал в 1774 году отрывок из его труда. Тем самым было положено начало так называемым «поискам исторического Иисуса», а сам Реймарус стал считаться основоположником рациональной критики Нового Завета. К духовным наследникам Реймаруса следует отнести тех исследователей-библеистов, которые, подобно ему, считали Иисуса неудачливым политиком, потерпевшим поражение во время попытки вооружённым путём свергнуть власть римлян (Карл Каутский, Джоэл Кармайл, Сэмюэл Брэндон, Хаим Герман Козн, Марк Абрамович, Джеймс Д. Тейбор, Робер Амбелен и др.).

Работа Реймаруса – «Апология рационально верующего в Бога» – стала своего рода фундаментом для дальнейших поисков «исторического» Иисуса, оказав значительное влияние на развитие либерального богословия и религиозного гуманизма. Даже те исследователи, которые не соглашались с выводами Реймаруса, вольно или невольно были вынуждены обращаться к его методам рациональной критики евангельских событий.

Протестантская либеральная теология XIX века, представленная трудами Иммануила Канта, Георга Вильгельма Гегеля, Фридриха Шлейермахера, Эрнеста Ренана, Альбрехта Ричля, Адольфа Гарнака, рисовала образ Христа без каких-либо сверхъестественных черт. По их представлениям, Иисус был духовно совершенной личностью, своего рода моральным идеалом для всего человечества. Заурядным проповедником считал Иисуса и Давид Штраус (1808—1874), автор нашедшей в своё время книги «Жизнь Иисуса». Похожих взглядов на Христа придерживался и великий русский писатель Лев Толстой (1828—1910).

На рубеже XIX – XX веков Иоганн Вайсс (1863—1914) и независимо от него Альберт Швейцер (1875—1965) создали ещё один вариант образа Иисуса, представив его апокалиптическим пророком. Согласно их воззрениям, жизнь и деятельность Христа можно понять лишь в контексте античного иудаизма, насыщенного страстным ожиданием скорого «конца времён». Подобно всем тогдашним евреям, Иисус уповал на неизбежное вмешательство Бога в ход истории с целью уничтожить силы зла и установить на земле Царство Божье. Однако приход Царства мог задержаться, если грехи людей не были искуплены. Из пророка Исайи Иисус знал, что Мессия должен пострадать за грехи людей, предназначенных свыше для Царства Божьего (Ис.53). Это привело его к решению принести самого себя в жертву Богу, поскольку он видел *«в Своей смерти искупительную смерть и вместе с тем такой поступок, который открывает Царство»* [3].

Таким образом, по Швейцеру, получалось, что Иисус отправился в Иерусалим с одной-единственной целью – *«вынудить старейшин народа казнить Его»* [4], после чего произошло бы долгожданное вмешательство Бога в земные дела со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сам Иисус после своей искупительной смерти надеялся воскреснуть и по воскресении явиться «на облаках небесных», что означало бы наступление Царства Божия.

В 20-х годах XX века Мартин Дибелиус (1883—1947) и параллельно с ним Рудольф Бультман (1884—1976) предложили новый метод изучения Евангелий, так называемую «критику литературных форм и жанров». По мнению сторонников этого направления, необходимо отличать «исторического Иисуса» от Иисуса, с которым имеет дело Церковь. Согласно воззрениям Бультмана, на изречения Иисуса и рассказы о нём сильное влияние оказывали религиозные и социальные реалии жизни первых христиан. Необходимость решать многочисленные внутрицерковные проблемы якобы заставляла их придумывать и приписывать Иисусу целые эпизоды и речи, в результате чего реальный, исторический Иисус ока-

зался погребённым под толстым слоем позднейших мифических напластований. Из всего этого, по Бультману, следовало, что Евангелия, как источник сведений об «историческом» Христе, не заслуживают абсолютно никакого доверия [5]. Придя к такому выводу, Бультман объявил, что предметом его поисков будет *«не жизнь и не личность Иисуса, а только его «учение»* [6].

После «открытий» Бультмана, ошеломивших научный мир, многие библеисты решили вообще отказаться от поисков «исторического» Иисуса, посчитав, что это невозможно в принципе. Однако после Второй мировой войны началась новая фаза поисков, имевшая целью обнаружить связь между «историческим» Иисусом и Иисусом веры. Участники «нового поиска» исходили из предположения, что должны существовать параллели между тем, что говорил Иисус сам о себе, и тем, что говорили о нём его последователи: даже если в Евангелиях по большей части содержатся не подлинные слова и дела Иисуса, а приписанные ему христианской общиной, то всё равно на их создание исторический образ Иисуса должен был оказывать определённое влияние. Подвергнув новозаветные тексты критической обработке, участники «нового поиска» надеялись извлечь из них исторически подлинное ядро.

Начало «новому поиску»² положил доклад немецкого протестантского исследователя Эрнста Кеземанна (1906—1998) «Проблема исторического Иисуса», прочитанный в Марбурге в 1954 году в присутствии Бультмана. После Кеземанна появились и другие исследователи (Эрнст Фукс, Гюнтер Борнкам, Иоахим Иеремиас, Джеймс Робинсон, Норман Перрин), которые возродили угасший было интерес к «историческому» Иисусу. В своих трудах они утверждали, что новозаветные писания отражают не только духовный мир ранних христианских общин, но и приближают нас к реальному историческому Иисусу – дело лишь за выработкой надёжных «критериев», помогающих отделить подлинные слова и дела Иисуса от всех последующих интерпретаций.

Начиная с 70—80-х годов XX века, многие исследователи пытаются решить проблему «исторического Иисуса» путём тщательного изучения исторических реалий, на фоне которых разворачивалась его деятельность, – социальных условий, нравов, экономики, религиозных культов, мессианских настроений и т. п. Выяснив, какие конкретные исторические вызовы стояли перед Иисусом и его учениками, они надеются лучше понять евангельские тексты. Это направление в библеистике получило название «третьего поиска исторического Иисуса». Его яркими представителями являются Бен Мейер, Маркус Борг, Ричард Хорсли, Джеральд Даунинг, Мортон Смит, Джон Доминик Кроссан, Давид Флуссер, Геза Вермеш и некоторые другие.

В отличие от исследователей XIX – XX веков, как правило, резко противопоставлявших Иисуса иудаизму, представители «третьего поиска» стараются, как они сами заявляют, «вернуть» Иисуса еврейской истории. Представители этого направления стремятся продемонстрировать глубокую укоренённость проповеди Иисуса в иудаизме времён Второго Храма. Всякая интерпретация, не учитывающая еврейскую принадлежность Иисуса, отмечается ими, как не соответствующая историческим реалиям I века н. э.

Однако и эта кропотливая работа не увенчалась успехом. Исследователи собрали огромный фактологический материал, но воссоздать на его основе портрет исторического Иисуса, который удовлетворил бы всех, так и не сумели. Кем только не изображают они Христа! «Учителем добродетели» ессеев и террористом-зелотом, странствующим проповедником-чудотворцем и приверженцем философской школы киников, последним пророком

² «Новый поиск» ещё называют «вторым поиском» в отличие от «первого», либерального, возникшего в европейском протестантизме в начале XIX столетия и господствовавшего на богословских факультетах Европы вплоть до первой четверти XX века.

иудейства и «посвящённым» эзотерических школ Индии. Существовала даже такая экстравагантная гипотеза, согласно которой Иисус Христос и Юлий Цезарь, – это одно и то же лицо!

2

Итак, мы убедились, что настойчивые, более чем двухвековые поиски «исторического» Иисуса оказались, по сути, безуспешными. За это время было придумано множество самых разных реконструкций его жизненного пути, но ни одна из них так и не стала общепризнанной. Почему? Ведь у всех исследователей перед глазами был один и тот же текст – Новый Завет. Откуда же в таком случае взялась эта поразительная разногласица во мнениях и предположениях?

Объяснение этому странному факту может быть только одно: несмотря на все усилия, учёным не удаётся расшифровать древний специфический контекст, который во многом определял истинные смысл и значение евангельских рассказов. Отсюда и все разногласия.

Чтобы было понятнее, насколько важную роль играет контекст в человеческой речи, рассмотрим простейший пример. Возьмём самую обычную, всем знакомую фразу: «К столу!» Что она означает? Большинство читателей, слышав её, наверняка представят себе уютный ресторан, учтивых официантов, белоснежную скатерть, уставленную изысканными блюдами и напитками... А между тем на ракетном полигоне по этой команде обслуживающий персонал обязан явиться к пусковой установке, именуемой на военном языке «столом». Как видим, вырванная из контекста, эта привычная фраза может послужить причиной больших недоразумений.

То же самое и с евангельскими текстами. Недостаточно перевести Новый Завет дословно, буква в букву, необходимо ещё знать и контекст, подоплёку тех давних событий, а иначе, как бы мы ни старались, истинный смысл евангельских рассказов так и останется тайной за семью печатями. Если в одно и то же время Иисус одному исследователю представляется мятежником-зелотом, другому – бродячим философом, третьему – учеником индийских браминов, а четвёртому – ещё кем-то, значит, истинные мотивы, которыми руководствовался Иисус, произнося свои речи, до сих пор не разгаданы.

Но что же мешает исследователям это сделать? Почему за такой большой срок они не смогли решить эту наболевшую проблему? Вопрос непростой, на который в двух словах не ответишь. В последующих главах я постараюсь дать на него исчерпывающий ответ, а заодно представлю и свою собственную расшифровку древнего контекста евангельских историй.

Глава 2

И враги человеку...

С мужеством и верой боговдохновенного человека, будучи одним из тех, кого умники обычно называют мечтателями, появился Иисус среди иудеев.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель «Дух христианства и его судьба», 1798—1800 гг. [7].

Сильная магнетическая личность вызывает у близких знакомых одно желание: поскорей от неё отделаться.

Гилберт Кийт Честертон «Если бы мне дали прочитать одну-единственную проповедь», 1936 г. [8].

1

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; Ибо Я пришёл разделить человека с отцом, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:34—38).

Эти суровые слова, сказанные Иисусом, всегда являлись предметом больших споров в библеистике. Действительно, трудно согласиться с буквальным прочтением текста, из которого якобы следует, что Иисус, будучи воплощением человеколюбия и доброты, призывает ненавидеть самых близких. Стремление разгадать эту мучительную загадку породило многочисленные попытки как-то по-особому истолковать слова Иисуса, отыскать в них некий потаённый смысл, не бросающий тень на светлый облик Спасителя. Дмитрий Мережковский, к примеру, полагал, что это высказывание Христа следует понимать не буквально, а как некое иносказание: *«мы должны помнить, что всё это невероятно, неслыханно, перевёрнуто, обратно или даже «превратно»* [9]. Давид Флуссер, почтенный профессор Еврейского университета (Иерусалим), поняв из этих слов, что *«между Иисусом и его семьёй имело место напряжение, чреватое аффектами»*, с недоумением признавался затем, что не знает *«скрытого основания»* этому факту [10]. Враги христианства, как не трудно догадаться, всегда усматривали в этом высказывании некую «аморальность» и «человеконенавистничество» Христа.

Что же касается официальной Церкви, то она эти слова толкует в том смысле, что Иисус, безусловно, уча любить ближних, в данном случае советует не подчиняться им, если они вдруг начнут склонять к нарушению установленных им заповедей [11]. Хотя доля истины в подобных рассуждениях есть, такое истолкование всё же нельзя признать исчерпывающим, и вот почему. Если внимательно перечитать текст Евангелий, то можно убедиться, что Иисус предназначал эти суровые слова не широкой публике, не всему народу, как часто думают, а гораздо более узкому кругу своих непосредственных учеников-апостолов. О домашних, как о врагах, он говорил, напутствуя апостолов, отправляющихся на самостоятельную проповедь. Очевидно, не столько вера в учение Иисуса, сколько совместная с ним деятельность вызвала у родственников его учеников какие-то такие особые возражения, что Иисус был вынужден специально обращать на это внимание. Попробуем разобраться.

Вопреки широко распространённому превратному мнению, Иисус не был обычным бродячим проповедником, каких, действительно, немало скиталось в те годы в Палестине (таким его, кстати, и вывел в своем знаменитом романе «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков). Фигура Иисуса несравнимо масштабнее, поскольку его деятельность привела

к появлению нового религиозного учения, произведшего поистине революционный переворот в умах тогдашних людей.

Из Евангелий нам известно, что вокруг Иисуса образовалась группа единомышленников, со временем разросшаяся до размеров настоящей общественной организации, главной задачей которой стала всемерная пропаганда нового учения. Иисус не только сам обращался к народу, но и посылал на проповедь своих учеников-апостолов – сначала двенадцать (Мф.10, Мк.6, Лк.6), потом ещё семьдесят (Лк.10), что уже само по себе говорит о растущих масштабах проповеднической деятельности.

Постоянная кочевая жизнь в поисках новых сторонников, выступления перед народом, получение наставлений от Иисуса – всё это отнимало столько сил и времени, что апостолы в конце концов были вынуждены оставить свою привычную профессиональную деятельность, чтобы иметь возможность полностью сосредоточиться на работе в организации: *«И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою»* (Мк.10:28).

Говоря современным языком, ученики Иисуса превратились в партийных функционеров, сделавших пропаганду нового учения своей профессией. Ну а поскольку они были людьми небогатыми, не имевшими имений и состояний, то существовать они теперь могли лишь за счёт добровольных пожертвований (по иронии судьбы, общественной кассой – «денежным ящиком» – заведовал у них не кто иной, как будущий предатель Христа – Иуда Искарот).

Едва ли размеры «жалованья» в этой небольшой, недавно основанной организации позволяли апостолам и их семьям жить безбедно, скорее отказ от привычного ремесла сразу же приводил к серьёзным материальным затруднениям. Если и раньше, напряжённо трудясь каждый на своём поприще, они с трудом обеспечивали свои семьи, то с переходом на «партийную» работу их материальное положение должно было ухудшиться.

Постоянные отлучки апостолов из дома ещё больше ожесточали их родственников, всё громче и настойчивее требовавших от них покинуть Иисуса и вернуться, наконец, к семейным заботам: *«Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует, что слушаете Его?»* (Ин.10:20). Иисусу, разумеется, всё это было известно, тем более, что даже он не находил сочувствия у своих собственных родственников: *«Ибо и братья Его не веровали в Него»* (Ин.7:3—5). Он прекрасно понимал, насколько трудно его ученикам противостоять давлению родственного клана, насколько трудно не поддаваться уговорам, преисполненным косного обывательского благоразумия, и не вернуться на наезженную колею житейских забот и привычных обязанностей. А это была бы верная смерть для всего его дела, для созданной с таким трудом организации.

И вот, желая ободрить своих учеников и укрепить их веру, Иисус обращается к ним с теми знаменательными словами, о которых шла речь в начале этой главы. И тема эта, похоже, настолько волнует Иисуса, что он будет возвращаться к ней снова и снова:

«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лк.14:26);

«Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной» (Лк.18:29—30)

Более того, Иисус ещё и личным примером показывает ученикам, что интересы общего дела для него выше любых родственных привязанностей:

«Когда же Он ещё говорил к народу, Мать и братья его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот, Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои;

Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Мф.12:46—50, Мк.3:31—35).

2

Наверное, в это трудно поверить, но Иисуса Христа его родственники считали сумасшедшим! И не только считали, но и всё время порывались схватить его и изолировать от общества: *«И, услышав, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя»* (Мк.3:21).

В те времена выражение «вышел из себя» означало «сошёл с ума». Так называли Иисуса все несогласные с его учением (Ин.7:20; 10:20). И что самое печальное, родственники Иисуса разделяли это мнение. С их точки зрения, он и в самом деле был ненормальным. «Все люди как люди, – по всей видимости, сокрушались его домочадцы, – работают, несут копейку в дом, заводят семью, а наш бедный Иешуа³ не только сам бросил работу, но и собрал вокруг себя таких же бездельников, как и он сам, и теперь шатается с ними Бог весть где, несёт всякий вздор, позорит всех нас! Надо поскорей оторвать нашего Иешуа от дружков, вернуть домой, к работе, к верстаку... Ну, чтобы всё как у людей было!»

И братья Иисуса всё время искали подходящего случая, чтобы выманить его, отвлечь от друзей и учеников и, навалившись внезапно вчетвером, связать и спрятать где-нибудь на время, а там, глядишь, и образумится! Они приходили туда, где Иисус собирался с учениками и народом, и просили его выйти к ним, но Иисус, понимая, к чему они клонят, не шёл, отказывался (Мф.12:47—49; Мк.3:31—34).

И мать Иисуса, похоже, была с братьями его заодно; она тоже хотела – из лучших побуждений, конечно, – оторвать своего любимого сына от бездельников-товарищей и вернуть поскорее к домашнему очагу. Понимал Иисус, что мать и братья любят его и по-своему добра желают, но знал он также, что подчинись он сейчас родственникам, сделай, как они хотят, и погибнет Великое Дело – смысл всей его жизни! Занятые повседневными, рутинными заботами, домочадцы, как правило, не в состоянии верно оценить масштаб личности, живущей рядом с ними, и это тоже испытал на себе Иисус: *«Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём»* (Мф.13:57).

И вот, устав изо дня в день выяснять отношения с родственниками, устав постоянно объяснять им то, что они не могли, да и не хотели понять, Иисус и вынужден был в конце концов произнести эти страшные в своей правоте слова: *«И враги человеку – домашние его...»*

3

История всех общественных движений, – как религиозных, так и политических, – подтвердила тысячекратно: беззаветное служение какой-либо идее почти всегда наталкивается на сопротивление семьи и родственников, особенно, если это не сулит немедленных материальных выгод или же сопряжено с опасностями. Так было в древности, точно так же обстоят дела и сейчас:

«Когда я перебираю мысленно тех, кто отошёл от партии в разное время, я прихожу к сокрушительному выводу: в 90% случаев это „заслуга“ семьи. Родителей или жены, или всего родственного клана. Уход по идейным причинам – исключение» [12];

«Семья и дом – это гири, прикованные к ногам. Это цепь, держащая человека на контролируемом расстоянии... Семейные же проблемы, раздуваемые порой до невообразимых размеров, постоянно будут отвлекать, висеть тяжким грузом, портить настроение и т. д.» [13].

³ Иешуа (Ешуа) – так по-еврейски произносилось имя Иисуса.

Не правда ли, эти цитаты, взятые из одной современной «ультрареволюционной» газеты⁴, заставляют вспомнить слова Иисуса, которые мы только что разбирали? Хотя чему удивляться? Схожие проблемы, наверное, и должны порождать вот такую схожую ответную реакцию на них.

Слова Иисуса «И враги человеку домашние его...», несомненно, подтверждают историческую достоверность евангельских рассказов. Ситуация, которая обрисована с их помощью, до боли знакома участникам всех общественных движений. Сочинить, выдумать такое из головы просто невозможно. Только тот, кто сам когда-то пережил нечто подобное, может знать и говорить о таких вещах.

А вот людей, далёких от общественно-политической деятельности, эти слова, произнесённые когда-то Иисусом, очень часто приводят в замешательство. Не имея соответствующего жизненного опыта, они видят в них только подвох или какое-то иносказание. Они думают, что «нормальный» человек по отношению к родственникам так жестоко выражаться не может, и поэтому всё время стараются перетолковать слова Иисуса в некоем отвлечённом, безобидном смысле и, сами того не замечая, фактически уподобляются его братьям, которые «не веровали в Него».

4

Завершая эту главу, я хотел бы очень коротко остановиться на одном известном изречении ветхозаветного пророка Михея, который, подобно Иисусу, весьма нелюбезно отзывался о близких родственниках:

«Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми; все строят ковы, чтобы проливать кровь; каждый ставит брату своему сеть. Руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло; начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело. Лучший из них – как тёрн, и справедливый – хуже колючей изгороди, день провозвестников Твоих, посещение Твоё наступает; ныне постигнет их смятение. Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля; от лежащей на лоне твоём стереги двери уст твоих. Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери, невестка – против свекрови своей; враги человеку – домашние его» (Мих.7:2—6).

И в богословии, и в библеистике принято считать, что эти слова пророка Михея почти в точности соответствуют суровым заявлениям Иисуса о родственниках. На самом же деле никакого соответствия здесь нет. Даже самый поверхностный взгляд на это изречение показывает, что Иисус и Михей говорят о совершенно разных вещах. Михей гневно обличает отпавших от Бога израильтян за их вопиющее моральное разложение. Всё стало продажно, – восклицает пророк, – все хотят денег, никому нельзя доверять, ни на кого нельзя положиться – даже на своих домашних!

Иисус говорит совсем о другом. У него причиной «разделения» (Лк.12:51—53) между домашними становятся, если можно так выразиться, идеологические разногласия: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф.10:37). Иисус ничего не говорит ни о деньгах, ни о взятках, ни о прочих материальных вещах. Он пришёл в мир с новым учением, и свою цель видит в том, чтобы всемерно распространять это учение среди людей. Ради этого он оставил дом, работу и отправился странствовать по городам и сёлам Галилеи и Иудеи. Как отнеслись к этому его домашние? А домашние не понимали Иисуса, требовали, чтобы он бросил заниматься «чепухой» и немедленно вернулся к своим обычным занятиям. Именно в этом и заключалась причина конфликта, о котором говорит Иисус.

⁴ «Лимонка», печатный орган запрещённой в 2007 году Национал-большевистской партии (председатель – Эдуард Лимонов).

Как видим, между изречениями Иисуса и Михея нет ничего общего, за исключением одной-единственной фразы, вероятно, позаимствованной Иисусом у ветхозаветного пророка: «враги человеку – домашние его». Но у Михея она означает, что на домашних невозможно стало положиться – за копейку продадут! А Иисус в эту хлесткую фразу вкладывает совсем другой смысл: домашние из-за своей неспособности понять и оценить новые идеи становятся человеку, по сути дела, противниками. Или врагами – можно выразиться и так.

И в богословии, и в библеистике словам пророка Михея всегда придавали большое значение, видя в них «ключ» к пониманию суровых инвектив Иисуса, относящихся к родственникам. Но это ошибочный путь. Как мы только что могли убедиться, изречения Иисуса и Михея подразумевают совершенно разные вещи, и употреблять их для взаимного истолкования невозможно.

Глава 3

Новый взгляд на старую проблему

Свойственно каждому человеку судить по собственным опытам. Неизвестное и неиспытанное представляется невозможным, а известное и испытанное представляется принадлежностью всех.

Епископ Игнатий Брянчанинов «Аскетические опыты», 1847 г. [14].

Спутанная обывательская мысль, желая дать определение какого-либо понятия, всегда сводит его к той или иной частной характеристике, которая ей лучше всего известна. Алексей Лосев «Жизненный и творческий путь Платона», 1990 г. [15].

Чтобы понять Иисуса, чрезвычайно важно правильно выбрать контекст. Помещая фигуру Иисуса в ложный контекст, мы неизменно приходим к искажённому изображению. Крейг Эванс «Сфабрикованный Иисус», 2008 г. [16].

1

Из предыдущей главы мы узнали, что Иисус был социально активной, борющейся личностью и в этом своём качестве руководил довольно многочисленной группой учеников и последователей. Многие его высказывания, вошедшие в Евангелия, как раз и были посвящены повседневным делам и заботам созданного им общественного движения. С их помощью Иисус даёт наставления апостолам по поводу тех или иных рабочих моментов, оценивает текущую ситуацию, делает прогнозы, предостерегает, разъясняет и т. п. Этим они отличаются от другой группы изречений Христа – вероучительских, в которых излагается сущность его учения, его взгляды на эсхатологию, на вопросы морали, на отношение к еврейскому Закону.

Евангелисты, преисполненные благоговения к личности Иисуса, не делали различия между изречениями вероучительскими и невероучительскими, одинаково прилежно заносая как те, так и другие в свои тексты. Они считали, что любые, даже самые мельчайшие крупицы сведений о его жизни бесценны и поэтому должны быть спасены от забвения. Какое счастье, если вдуматься, что они не догадались отбирать изречения Христа по принципу: важно – не важно! Только благодаря этой их «неразборчивости» мы и можем сегодня хоть что-то узнать об историческом Иисусе. Если бы евангелисты оставили своим читателям одни лишь программные, вероучительские изречения, то в нашем распоряжении не оказалось бы вообще никаких фактов, относящихся к его общественной деятельности!

Однако позднейшие толкователи евангельских текстов не сумели правильно воспользоваться этим бесценным сокровищем. Не умея отличить вероучительские изречения Христа от тех, которые были продиктованы насущными «партийными» заботами, они абсолютно все его изречения стали считать вероучительскими, и это закономерно привело к искажению образа Иисуса. И не удивительно! Ведь если первые предназначались для широких народных масс, то вторые – исключительно для узкого круга избранных учеников, погружённых в повседневную суматоху внутрипартийной жизни. Если не принимать в расчёт это важное обстоятельство, то превратные выводы и даже серьёзные ошибки неизбежны.

Поясню свою мысль на следующем простом примере. Представим себе «вождя» некоей популярной партии, который, выступая на митингах, с такими словами обращается к публике: «Все люди – братья! Все должны любить и уважать друг друга! Встретил брата – обними его, накорми его, дай денег на дорогу и т. д.» А до начала митинга этот же самый

«вождь» даёт своим соратникам наставления такого рода: «Смотрите, чтобы всё прошло гладко! С несогласными не церемоньтесь, силой выставляйте их из зала, чтобы не портили общее впечатление... А будут сопротивляться, провоцировать скандал – не стесняйтесь, бейте прямо в морду!...»

И вот, допустим, что кто-то из сподвижников «вождя» соберёт без разбора все его изречения в одну книгу – и те, которые «вождь» говорил во время митинга, и те, которые до митинга... Представляете, какую он тем самым создаст головную боль для будущих историков? Ведь, если судить по одним высказываниям из этой книги, то «вождь» будет представляться тихим безобидным добряком, а если по другим, то наоборот, – отъявленным скандалистом и поборником кулачной расправы. И всё это на одних и тех же страницах. Как тут понять, каким он был на самом деле?

Примерно то же самое произошло и с высказываниями Иисуса. Вместо того, чтобы рассматривать вероучительские изречения отдельно от невероучительских, горе-исследователи сваливают всё в одну кучу, а затем, пытаясь их анализировать, совершают массу ошибок. Одну из них мы уже разбирали в предыдущей главе. Знаменитое изречение Иисуса, посвящённое родственникам («И враги человеку домашние его...»), не имеет никакого отношения к вероучительским вопросам, но его почти всегда рассматривают именно в этом качестве, и в результате приходят к совершенно нелепым и странным выводам.

Много хлопот доставляет комментаторам евангельских текстов и знаменитое высказывание Иисуса о верблюде и угольном ушке: «*Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие*» (Мк.10:25; Мф.19:23). Обычно эту фразу понимают в том смысле, что Иисус якобы резко отрицательно был настроен к богатству вообще, и к богатым людям в частности. Более того, на основании этих слов его нередко изображали чуть ли не стихийным коммунистом, требующим уничтожения частной собственности и введения социальной уравниловки (Карл Каутский, Лев Толстой и др.). И нищенствующие монашеские ордена, между прочим, тоже пошли отсюда.

Но как было на самом деле? Неужели Иисус не догадывался, к чему могут привести лозунги, призывающие к «экспроприации экспроприаторов»?

Давайте найдём это место в Евангелиях и перечитаем его ещё раз.

Итак, к Иисусу приходит некий богатый юноша и, рассказав о своей замечательно праведной жизни, просит совета, как ему следует поступить дальше, чтобы «*иметь жизнь вечную*» (Мф.19:16).

«*Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною*» (Мф.19:21).

И тот же самый эпизод у Марка: «*Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе не достаёт: пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест*» (Мк.10:21).

Обратите внимание: Иисус, предложив богатому юноше продать «*имение*», вовсе не советует ему после этого отправляться на все четыре стороны или в компанию к тогдашним бомжам. Он говорит совсем другое: «*следуй за Мною, взяв крест*», то есть становись одним из учеников! Вот о чём у них был разговор! Иисус прекрасно понимает, что работа в созданной им организации потребует от будущего помощника полнейшей самоотдачи, а это невозможно будет совместить с постоянной необходимостью приглядывать за большим хозяйством.

Предлагая юноше войти в число учеников, Иисус рассуждает здраво и практично как мудрый организатор и руководитель и вовсе не собирается ниспровергать институт частной собственности, подобно будущим основоположникам марксизма-ленинизма. Это, кстати, подтверждается и тем, что Иисус предлагает юноше своё «*имение*» именно продать, а не просто подарить кому-нибудь. А кто купит это «*имение*»? Естественно, другие богачи. Следо-

вательно, Иисус не отрицает устоявшего порядка вещей. Он же не призывает и тех, других, богачей отказаться от имущества! И никогда не призывал. Иисусу нужен именно этот конкретный юноша, и именно ему, этому юноше, он и предлагает продать *«имение»*, чтобы их совместной деятельности уже ничто не могло помешать.⁵

Однако юноша не ответил на приглашение Иисуса. Перспективе стать одним из учеников Христа, то есть превратиться в функционера в основанной Христом организации, он предпочёл прежнюю жизнь в богатстве. Причём, надо заметить, жизнь исключительно праведную – ведь, собственно, только за это Иисус и выделил (*«полюбил»*) его из всей массы последователей. Значит, богатство не мешало вести праведную жизнь, но мешало стать непосредственным помощником Христа, поскольку должность эта хлопотная, опасная и несовместимая с планомерным ведением домашнего хозяйства. И только после того, как юноша, отказавшись, ушёл прочь, Иисус и произнёс свои знаменитые слова о богатстве, верблюде и угольном ушке:

«Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и ещё говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мф.19:23—24; Мк.10:25).

Итак, повторим ещё раз. Иисус относил эти свои слова не ко всем богатым обладателям имений и состояний, а лишь к тем из них, кого хотел видеть своими непосредственными помощниками-учениками. И не вина Христа, что в последующие столетия его слова перетолковали по-своему, превратив их автора чуть ли не в «предтечу» Карла Маркса.

Вот яркий пример того, как высказывание Иисуса, ни с какой стороны не являющееся вероучительским, рассматривают именно в этом качестве и в результате приходят к выводам, абсолютно не соответствующим реальному положению вещей! И такие случаи, надо полагать, не единичны.

2

Но если для правильного понимания деятельности Христа так важно отличать его вероучительские изречения от невероучительских, то почему этого не делают ни богословы, ни библиисты-христологи? Почему они всё время их смешивают? Думается, здесь дело вот в чём. Люди, как известно, мыслят аналогиями. Желая понять значение тех или иных фактов, они сопоставляют их с теми, которые им уже известны, и, если находят совпадения, объявляют те, первые факты, истолкованными. Например, услышав где-то вдалеке пение птицы, люди уверенно заявляют: «Это кричит петух, эти звуки мы слышали и раньше!» Точно таким же способом врач распознаёт болезни, автослесарь ищет поломку в двигателе, любитель музыки узнаёт знакомую мелодию, а исследователь-библиист толкует евангельские тексты. Закон тут один: подобное толкуется подобным.

Из Евангелий мы знаем, что Иисус был, выражаясь современным языком, руководителем общественной организации, подвергался преследованиям и вёл напряжённую, полную опасностей жизнь. И вот представьте себе, что за толкование его высказываний примутся люди, никогда не участвовавшие ни в каких общественных организациях, не замеченные ни на каких многочисленных митингах и демонстрациях, в общем, эдакие тихие обыватели, привыкшие, надев тапочки, коротать вечера перед телевизором. Сумеют ли они, не имея схожего жизненного опыта, распознать среди разбросанных по тексту высказываний Христа те из них, которые относятся к деятельности созданной им организации? Весьма сомнительно. Даже натолкнувшись на них в евангельских текстах, они не поймут их значения, поскольку в своём жизненном багаже не имеют ничего, даже отдалённо напоминающего опыт Иисуса. Но толковать-то ведь надо, раз уж взялись за это дело! И наши горе-исследо-

⁵ Сравните у Луки: *«Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»* (Лк.14:33).

ватели начинают сопоставлять евангельские сюжеты с тем, что первое приходит им в голову, а прийти может всё, что угодно: и впечатления от когда-то прочитанных книг, и лекции, прослушанные в университете, и сюжеты телепередач, и даже бабушкины любимые сказки, слышанные в детстве... Словом, если у исследователя-библеиста нет опыта общественной деятельности, хоть в какой-то степени сходного с опытом Иисуса, то ассоциации могут возникнуть любые, даже самые нелепые и дикие. И тогда одному исследователю Иисус может показаться мятежником-экстремистом, другому – бродячим учителем софистики, третьему – предводителем шайки гомосексуалистов,⁶ четвёртый уверен, что в Евангелиях приведены не подлинные мысли и дела Христа, а лишь придуманные позднейшей христианской общиной, а пятый объявит, что Иисус никогда не существовал и, следовательно, говорить вообще не о чем...

Отсутствие у исследователей опыта общественной деятельности, сходного с таковым у Христа, приводит к тому, что среди его высказываний они не различают ни тех, которые он предназначал для своих «однопартийцев», ни тех, которые адресовались широкой публике. А между тем именно от этого в конечном итоге зависит их правильная интерпретация! Если нас интересует сущность учения Иисуса, то мы должны сосредоточиться на вероучительских высказываниях, если же обстоятельства его общественной деятельности, – то главным образом на тех, которые отражают внутрипартийную жизнь созданной им организации. Если это обстоятельство не принимать в расчёт, то серьёзные ошибки с их истолкованием неизбежны.

Кстати, именно на этом, по всей видимости, споткнулся Рудольф Бультман, полагавший, как мы помним, что Евангелия – никудышный источник сведений об «историческом» Иисусе. Бультман интуитивно чувствовал, что изречения Иисуса неравнозначны, но чем конкретно они отличаются друг от друга, понять не мог. Будучи обыкновенным университетским профессором, далёким от всякой партийной деятельности, он, конечно же, не догадывался, что среди изречений Христа есть не только вероучительские, но ещё и такие, которые были навеяны внутрипартийными проблемами. Не сумев это понять, Бультман решил, что различие между изречениями Иисуса состоит лишь в том, что некоторые них, возможно, и в самом деле принадлежат Иисусу, в то время как большинство других придумано и приписано ему позднейшей христианской общиной. К этой второй группе Бультман отнёс, как легко догадаться, в основном те изречения, которые отражали «партийную» деятельность Иисуса.

Отсутствие реального опыта общественной деятельности сыграло злую шутку и с участниками так называемого Семинара по Иисусу (Jesus Seminar). Согласно их воззрениям, подавляющее большинство изречений Христа ему не принадлежат, представляя собой устное и письменное творчество христиан последующих поколений. Как было заявлено в одном из отчётов Семинара, *«восемьдесят два процента слов, приписываемых в Евангелиях Иисусу, на самом деле Ему не принадлежат...»* [18].

Но можем ли мы согласиться с подобными выводами?

3

Итак, нам, похоже, удалось угадать, нащупать тот специфический контекст, который определял смысл и логику многих изречений и поступков Иисуса. Этот контекст – его общественная, «партийная» деятельность, или, говоря иначе, это та конкретная роль, которую ему приходилось играть в жизни тогдашней Палестины. Иисус был социально активной, борющейся личностью и, более того, руководителем общественной организации. Именно в этом качестве ему приходилось общаться со своими учениками, с народом, с тайными недобро-

⁶ Это не ради красного словца сказано. Такое мнение о Христе сложилось у некоего теоретика современного «язычества», скрывшегося под псевдонимом Владимир Истархов [17]. Какой только бред не родится в человеческой голове!

желателями и явными врагами. Темы многих изречений Христа как раз и были навеяны его деятельностью на этом, прямо скажем, опасном поприще. Ни в коей мере не являясь вероучительскими, они имеют отношение только к повседневным делам и заботам, созданного Иисусом общественного движения. По сути, это – короткие и яркие наставления Христа своим ученикам по поводу тех или иных конкретных ситуаций (как сказали бы сегодня, – «рабочих моментов»), постоянно возникавших в ходе их совместной деятельности. Из этих высказываний вырисовывается облик опытного организатора-практика, мудрого руководителя, не понаслышке знающего о тех специфических проблемах, с которыми неизбежно приходится сталкиваться вождю народных масс. Непонимание многими исследователями того, что представляло собой общественное служение Иисуса, равно как и отсутствие у них самих соответствующего опыта, постоянно приводит их к превратным выводам и серьёзным ошибкам. Одна из самых характерных – приписывание тем изречениям Иисуса, которые являются всего лишь отражением его повседневной организаторской деятельности, некоего богословского, вероучительского смысла, в действительности отсутствующего.

Истинный, изначальный контекст многих евангельских рассказов – это повседневная деятельность созданного Иисусом общественного движения. Именно под этим углом зрения и следует подходить к их толкованию. Выше мы уже проделали подобный опыт со словами Иисуса, посвящёнными его взаимоотношениям с родственниками («И враги человеку домашние его...»), а также с учениками и последователями (изречение о верблюде и угольном ушке), и убедились, что скрытый, даже скандальный смысл этих слов становится вдруг ясным и понятным. Не приходится сомневаться в том, что не менее интересные результаты будут получены, когда мы применим этот наш метод и к другим евангельским текстам. Ведь мы теперь будем знать, что искать!

Глава 4

Обзор источников

Источниками о проповеди Христа нам служат первые три Евангелия и, кроме них, только несколько важных известий у ап. Павла. Всё остальное, что мы помимо них знаем об истории и проповеди Христа, так незначительно по объёму, что легко умещается на одной странице.

Адольф фон Гарнак «Сущность христианства», 1900 г. [19].

1

Сведения о земной жизни Иисуса Христа содержатся в древних документах, которые для удобства принято подразделять на языческие (если их автором был грек, римлянин или кто-то ещё, помимо иудея или христианина), а также на иудейские и христианские.

Самое первое известное нам упоминание об Иисусе в языческих источниках относится к 112 году н. э. и принадлежит перу римского писателя Плиния Младшего, исполнявшего в то время обязанности проконсула Вифинии и Понта. В письме, адресованном императору Траяну, Плиний сообщал, что в его провинции есть так называемые «христиане», которые, собираясь перед восходом солнца, «воспевали, чередуясь, Христа как бога» [20]. Несколькими годами позднее два других знаменитых римских историка – Корнелий Тацит и Гай Светоний Транквилл – также упомянули в своих сочинениях имя Иисуса Христа. Тацит сообщил, что Иисуса «казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат» [21], а Светоний назвал христиан «приверженцами нового и зловердного суеверия» [22].

Как видим, ценность этих коротких – буквально в несколько слов! – сообщений невелика. Никакой конкретной информации о том, что Иисус говорил или делал, они не содержат, да и повествуют не столько о самом Христе, сколько о его последователях-христианах. Ясно, что сведения такого рода мало чем могут помочь историку, желающему написать ещё одну работу о жизни и деятельности Иисуса Христа.

К языческим авторам, писавшим об Иисусе, причисляют также греческого сатирика Лукиана Самосатского, римского философа-стоика Цельса и некоего сирийца Мару бар Серапиона, от которого сохранилось лишь одно письмо, адресованное его сыну. К сожалению, и Лукиан, и Мара бар Серапион никакой конкретной информации об Иисусе не сообщают – те же самые общие фразы, что и у римских историков. Подробнее написал о Христе философ Цельс, однако его сочинение («Правдивое слово», около 177 года), настолько пропитано ненавистью и злобой к основателю христианства, что вряд ли может служить источником достоверных сведений о нём.

Вот, собственно говоря, и вся информация об Иисусе Христе, которую мы можем извлечь из сохранившихся языческих первоисточников. Прямо скажем, – не густо! Это странное равнодушие античных писателей к личности Иисуса иногда объясняют тем, что он был евреем и жил в Палестине – по римским и греческим понятиям, на задворках тогдашнего цивилизованного мира. Проблемы еврейского народа будто бы ни в малейшей степени не заботили римлян и греков, для которых это был мир абсолютно чуждый, непонятный и даже враждебный.

Но если римлянам и грекам Иисус был, как выясняется, совершенно неинтересен, то, вероятно, в еврейских источниках мы найдём о нём гораздо больше упоминаний? Еврейские писатели наверняка должны были заинтересоваться необыкновенной личностью Иисуса – своего земляка и современника!

Увы! И в еврейских документах имя Иисуса из Назарета встречается не чаще, чем у язычников. Так, например, один из самых известных еврейских философов и писателей Филон Александрийский, умерший около 50 года, не упоминает о нём ни единым словом, хотя и был в курсе всех событий, которые волновали в то время Палестину. Филон живо интересовался политикой, неоднократно посещал Иерусалим, а один из его племянников, Тиберий Александр, даже занимал в 46—48 годах пост прокуратора Иудеи. Филон был прекрасно осведомлён о Понтии Пилате, сурово обличал жестокие казни, санкционированные этим прокуратором, но о жизни и смерти Христа у него нет ни единой строчки.

Ничего не написал об Иисусе и Юст Тивериадский, автор «Иудейской войны» и «Летописи царей иудейских». Юст Тивериадский служил личным секретарем иудейского царя Агриппы II и, вне всяких сомнений, должен был хорошо ориентироваться в палестинских делах. Его сочинения до нас не дошли, но константинопольский патриарх Фотий, живший в XI веке и державший их в руках, уверяет, что не нашел там никаких упоминаний о Христе.

Единственным иудейским автором, у которого можно найти короткие замечания об Иисусе, является Иосиф Флавий, живший в 37—94 годах н. э. В Двадцатой книге «Иудейских древностей» Иосиф Флавий рассказывает о казни Иакова, «брата Иисуса, именуемого Христом» [23]. Другое, более подробное сообщение об Иисусе содержится в Восемнадцатой книге «Иудейских древностей». Это сообщение известно под названием «Флавиева свидетельства» (Testimonium Flavianum) и очень ценится в христианской среде. Приведём его полностью:

«Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлёк к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о Нём и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне ещё существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени» [24].

Христианская традиция всегда придавала этому свидетельству огромное значение, поскольку его автором был ортодоксальный иудей, никоим образом не связанный с христианством. Считалось, что свидетельство постороннего, не заинтересованного человека лучше всего подтверждает мессианское достоинство Иисуса Христа.

Споры о подлинности «Флавиева свидетельства» продолжаются уже несколько столетий, но мы касаться их не будем, поскольку для нашей темы не имеет существенного значения вопрос, принадлежат ли эти слова самому Флавию, или же они были вставлены в его книгу кем-то другим. Даже если их написал Иосиф Флавий, никаких конкретных сведений о деятельности Иисуса Христа они всё равно не содержат.

2

В поисках дополнительной информации об Иисусе Христе исследователи часто обращаются к Талмуду – многотомному сборнику правил, основанных на толковании Библии и регламентирующих религиозные, правовые и бытовые отношения верующих евреев.

Сведения об Иисусе Христе, представленные в Талмуде, очень скупы, невняты и часто специально завуалированы, по всей видимости, для того, чтобы не раздражать случайных читателей из христиан. Нельзя даже с полной уверенностью утверждать, что во всех фрагментах, в которых традиционно видят указания на Иисуса, речь идёт действительно о нём.

Ценность Талмуда, как источника сведений об Иисусе Христе, невелика. Во-первых, эти сообщения были сделаны спустя много лет после его смерти и не могут считаться свиде-

тельствами современников. Наиболее древние части Талмуда – Мишна и Тосефта – появились на основе устных преданий не ранее III века н. э. Остальная часть Талмуда – Гемара – написана в V веке н. э.

Во-вторых, Талмуд создавался во враждебной христианству ортодоксальной еврейской среде, и по этой причине настроен резко отрицательно по отношению к Иисусу. В Талмуде Иисус всегда изображается как еретик и вероотступник, пытавшийся «свести Израиль с пути». Понятно, что информация такого рода не может считаться объективной. Вот, для примера, несколько коротких сообщений об Иисусе, извлечённых из Талмуда. Хорошо видно, насколько эти сведения предвзяты и необъективны. Так, в Талмуде утверждается, что Иисус был рождён вне брака; что его матерью была дамская завивальщица волос Мария; что её мужем был Паппос бен Иегуда, а любовником – некий римский солдат Пандира или Пантера, который якобы и был подлинным отцом Иисуса [25]. Живя в Египте, Иисус научился магии, а магические формулы, наверное, чтобы не забыть, нацарапал у себя на теле [26]. У Иисуса было пятеро учеников, которых звали: Матай, Накай, Нэцер, Бунай и Тода [27]. Согласно Талмуду, Иисус высмеивал слова мудрецов, называя сам себя богом, и говорил, что вознесётся на небеса. Его судили и приговорили к побиению камнями в Луде [28], а по другой версии – повесили [29].

Как видим, образ Иисуса, созданный фантазией раввинов, разительно отличается от того, который известен нам из христианской литературы. Иисус из Талмуда – это даже не человек, не реальный исторический персонаж, а какая-то ходячая карикатура, долженствующая отвращать добропорядочных иудеев от симпатий к христианству. Разумеется, из Талмуда можно извлечь много полезной информации о социальном и религиозном мировоззрении евреев I века н. э., о взаимоотношениях между различными религиозными группами иудеев, о древнем еврейском судопроизводстве и т. п. Для историка эти сведения представляют большую ценность. С их помощью можно более точно воссоздать историческую обстановку, в которой жил и действовал Иисус, однако, как источник биографических данных об Иисусе Христе, они никакого доверия не заслуживают.

3

Итак, наш краткий обзор показал, что языческие и еврейские источники не содержат никакой конкретной информации об Иисусе и его деятельности. Единственным источником, где можно найти более или менее подробные сведения о том, что Иисус говорил или делал, являются древние христианские тексты и в первую очередь Евангелия Нового Завета (от греческого слова *evangelion* – «благая весть»). Именно в этих четырёх небольших книгах сосредоточена практически вся известная на сегодняшний день информация о жизни и поучениях Иисуса Христа.

В состав Нового Завета входят четыре Евангелия, авторство которых церковная традиция приписывает Матфею, Марку, Луке и Иоанну. По своему стилю и содержанию первые три Евангелия в основном сходятся, поэтому в научной литературе их принято называть синоптическими, то есть совпадающими (от греческого слова *synopsis*, что означает «общая точка зрения», «общий взгляд»). Это сходство объясняется тем, что Матфей и Лука при написании своих текстов использовали более двух третей материала из Евангелия, ранее написанного Марком.

Несмотря на многие совпадающие эпизоды, Матфей и Лука не во всём тождественны Марку. У них есть и другие истории об Иисусе, которых нет у Марка. Ещё в XIX веке немецкие учёные пришли к выводу, что Матфей и Лука в своей работе пользовались не только Евангелием от Марка, но и каким-то другим источником, который был доступен им, но не доступен Марку. Этот гипотетический источник в научной литературе обозначают буквой «Q» (от немецкого слова *Quelle* – «источник»). Позднее выяснилось, что Матфей

и Лука пользовались ещё и какими-то собственными, так сказать, персональными источниками информации, отличными как от Марка, так и от «Q». Исследователи условились обозначать эти источники буквами «М» (источник, использовавшийся Матфеем) и «L» (источник, использовавшийся Лукой).

Особняком стоит Евангелие от Иоанна, материалом для которого послужили письменные и устные источники, не известные первым трём евангелистам. Благодаря уникальности этих источников, Иисус в четвёртом Евангелии получился совершенно не похожим на Иисуса в изображении синоптиков. В Евангелии от Иоанна он больше напоминает некое таинственное сверхъестественное существо, сошедшее с небес, нежели реального человека с реальной человеческой биографией. Именно по этой причине большинство современных историков с недоверием относятся к Евангелию от Иоанна, полагая его слишком богословским для того, чтобы использовать в качестве источника сведений о Христе.

За исключением Луки, с авторством которого в принципе можно согласиться, все остальные личности, указанные церковным преданием, как авторы соответствующих Евангелий, почти со стопроцентной вероятностью ими не являются. Однако из соображений удобства их продолжают называть Марком, Матфеем и Иоанном, не забывая, конечно, о всей условности такого именования.

Когда были написаны Евангелия? Среди библеистов нет единого мнения относительно времени написания Евангелий, но в общем принято считать, что раньше всех появилось Евангелие от Марка – примерно в 65—70 годах н. э. Евангелия от Матфея и Луки были написаны десятью или пятнадцатью годами позднее. Евангелие от Иоанна датируется 90—100 годами н. э. Таким образом, самое раннее письменное свидетельство о Христе появилось спустя 35—40 лет после его смерти.

В своём окончательном виде Новый Завет сформировался достаточно поздно – в самом конце IV века н. э. До этого момента среди различных христианских групп и общин считались авторитетными и были в употреблении самые разные варианты жизнеописания Христа. Наряду с уже известными нам новозаветными Евангелиями в богослужении широко использовались евангелия Петра, Андрея, Варфоломея, Иакова, Филиппа, Иуды, а также два евангелия Фомы, совершенно различных по содержанию. Помимо этих, так сказать, именных евангелий, существовали евангелия, известные по названиям тех христианских групп и сект, которые ими пользовались: Евангелие евреев (то есть иудеохристиан), Евангелие эбионитов, Евангелие назореев.

Популярными среди христиан были и такие сочинения, которые дополняли и расширяли прежние жизнеописания Христа. Сюда относятся различные варианты евангелий о детстве Иисуса, сказания о Марии, Понтии Пилате и др. В отличие от новозаветных евангелий, эти сочинения ничего не говорят об учении Христа, догматах, этических правилах. По своему содержанию они больше напоминают мифы или сказки, сочетающие описания самых невероятных чудес с отдельными бытовыми сценами.

В результате длительного и сложного отбора, продолжавшегося несколько столетий, в Новом Завете в конечном итоге остались только те книги, которые нам известны и сегодня: четыре Евангелия, Деяния апостолов, двадцать одно послание апостолов (автором четырнадцати из них считается апостол Павел) и Откровение (Апокалипсис) Иоанна Богослова. Произведения, включённые в Новый Завет, Церковь считает каноническими (греческое слово «канон» в переводе означает некий стандарт или критерий подлинности). Произведения, которые Церковь отвергла, стали называться апокрифическими, то есть, в переводе с греческого, тайными или скрытыми.

Напоследок необходимо сказать несколько слов о составе новозаветного канона. Можно только удивляться безошибочному чутью древних Отцов Церкви, которым удалось из большого числа христианских писаний I – IV веков отобрать наиболее, скажем так, взве-

шенные и реалистичные произведения. Вся остальная литература, переполненная описаниями явно придуманных, нелепых чудес или же чуждых христианству идей и умозаключений, была забракована, и в канон не попала. Впрочем, читатель может и сам легко убедиться в безошибочности древнего выбора, прочитав не вошедшие в канон апокрифические евангелия (при желании, их легко найти в Интернете). Все вопросы и сомнения после этого пропадут сами собой.

4

Известно, что при жизни Иисуса никто не вёл никаких заметок о его общественной деятельности, и речей его, естественно, тоже никто не конспектировал; годами и даже десятилетиями вся эта информация сохранялась в устной памяти его учеников и последователей. В этой связи не может не возникнуть закономерный вопрос: насколько Евангелиям, как источнику исторических сведений об Иисусе Христе, можно доверять? Не содержат ли евангельские рассказы каких-либо грубых искажений и ошибок, появившихся в результате длительного господства устной традиции?

Единого мнения среди исследователей Нового Завета на этот счёт нет. Карл Каутский, например, историческую достоверность Евангелий оценивал весьма невысоко:

«...Нас хотят уверить, что речи Иисуса, записанные полвека спустя после их произнесения, переданы в евангелиях вполне верно! Нет никакой возможности сохранить содержание речи, которая не была сейчас же записана и передавалась путём устного предания в течение пятидесяти лет» [30].

Полагая, что устной традиции было не под силу сохранить подлинную информацию о жизни Иисуса, Каутский решил, что: *«Евангелия и Деяния апостолов по своей исторической ценности стоят не выше гомеровских поэм или „Песни о нибелунгах“. Они могут повествовать об исторических личностях, но деятельность последних изображается с такой поэтической вольностью, что совершенно невозможно использовать их для исторического описания этих личностей» [31].*

Думается, однако, что знаменитый немецкий историк и публицист слишком поторопился с отрицанием исторической достоверности Евангелий. По-видимому, он не знал или же просто забыл, что многие древние сказания, легенды, поэмы, былины, передаваясь из поколения в поколение, могли сохраняться веками и даже тысячелетиями практически без потерь. Знаменитая «Ригведа» (16 000 стихов), до того как быть записанной, сохранялась в устной форме около двух тысяч лет; «Илиада» (15 700 стихов) – около пятисот лет; Талмуд (20 томов – пять тысяч с лишним страниц убогистого текста), прежде, чем быть перенесённым на бумагу, существовал в устной форме несколько столетий. Современным людям, избалованным изобилием и доступностью всевозможных носителей информации – от обычных бумажных до электронных – трудно даже представить себе, какими возможностями обладает человеческая память, способная, при определённой тренировке, творить буквально чудеса!

В древней Иудее особая методика обучения в религиозных школах позволяла запоминать и точно пересказывать материал, многократно превышающий по размеру все Евангелия, вместе взятые. Считалось само собой разумеющимся, что прилежный ученик в состоянии запомнить любые объёмы информации, предложенные учителем. *«Доброго ученика память крепчайшим цементом обложенному водоёму подобна: капли не вытечет»*, – говорили иудейские раввины [32].

Логично предположить, что и ранняя христианская община, состоявшая из палестинских евреев, унаследовала эту древнюю традицию. Апостолы, – непосредственные ученики Иисуса, – рассказывали истории из его жизни своим ученикам, а те, в свою очередь, – своим. Так продолжалось годами и, возможно, десятилетиями, пока наконец кто-то не догадался

записать эти устные рассказы. Сначала это были, как полагают, сборники речений Иисуса (Logia Kiriaka, «логии»), имевшие, по всей видимости, ритмическую форму, затем появилось что-то вроде «протоевангелий», содержащих рассказы о проповеднической деятельности Иисуса, и, наконец, спустя примерно сорок лет после его смерти, было написано Евангелие от Марка, ставшее для авторов последующих Евангелий как источником материала, так и образцом для подражания.

Разумеется, в Евангелиях можно найти и неточности, и разночтения и даже грубые ошибки, что, в общем-то, вполне объяснимо, учитывая тот факт, что евангелисты при написании своих текстов пользовались материалом, прошедшим через вторые, третьи, четвёртые и так далее руки. К тому же евангелисты писали не историческую хронику и не биографию Иисуса, а богословское произведение, обладающее всеми характерными особенностями этого жанра. Историческая точность описываемых событий волновала евангелистов далеко не в первую очередь, поэтому нет ничего удивительного в том, что в Евангелиях обнаруживаются и неточности, и преувеличения, и даже явный вымысел, обусловленный, если можно так выразиться, «законами жанра». Разумеется, всё это затрудняет использование Евангелий в качестве исторического источника.

Затрудняет, но не исключает! Если Евангелия создавались на основе реальных событий, то какой бы «поэтической вольностью» они не отличались, в них обязательно должны были сохраниться отзвуки и следы этих событий. В ряде случаев историческую достоверность евангельских событий могут подтвердить археологические находки. Так, например, в 1888 году в Иерусалиме во время раскопок была обнаружена купальня Вифезда, в которой, как и указывал евангелист Иоанн, *«было пять крытых ходов»* (Ин.5:2). В 1927 году французский археолог Винсент обнаружил знаменитый лифостротон – каменный помост, на котором Пилат судил Иисуса (Ин.19:13). В 1961 году в Кесарии нашли камень с надписью, в которой упоминается о «Понтии Пилате, префекте Иудеи», а в 1990 году археологи обнаружили каменный оссуарий (урну с костями), на котором было высечено имя первосвященника Каиафы.

Свитки Мёртвого моря, найденные в 1947—1956 годах в кумранских пещерах, также могут подтвердить историчность Евангелий. Некоторые характерные детали в евангельских текстах, касающиеся религиозной и общественной жизни Палестины времён Иисуса Христа, совпадают с материалом, обнаруженным в кумранских рукописях.

Ну и, наконец, историческую достоверность Евангелий могут подтвердить и сами евангельские тексты или, точнее, те яркие психологические детали и подробности, с которыми изображена общественная деятельность Иисуса. В последующих главах мы неоднократно сможем убедиться в том, что эти детали и подробности не были выдуманы евангелистами, а являются отражением реально происходивших событий. Их поиску с последующим анализом и будет по большому счёту посвящена эта книга.

Глава 5

Исторический фон

Иудеи были единственным народом, отказывавшимся подчиниться Риму, и это особенно возмущало всех.

Корнелий Тацит «История», I в. н. э. [33].

К описываемому периоду Иудея находилась во власти Рима уже около восьми десятилетий – ничтожный срок, чтобы правители империи смогли понять религиозные идеи её народа, но вполне достаточный, чтобы сообразить: евреями, при всей их гордыне, можно успешно управлять, если не нарушать их обычаев и веры.

Лью Уоллис «Бен-Гур», 1880 г. [34].

1

Палестина занимает очень удобное стратегическое положение на перекрестке дорог, связывающих между собой три континента – Африку, Азию и Европу. Именно по этой причине она часто становилась объектом агрессии со стороны воинственных соседей. Еврейские племена, которые с незапамятных времён жили на этой территории, самоотверженно боролись за свою независимость, однако силы были слишком неравные, и Палестина, переходя из рук в руки, последовательно оказывалась под властью Ассирии, Вавилона, Персии, Македонии, эллинистических государств египетских Птолемеев и сирийских Селевкидов. В 142 году до н. э. в результате восстания, поднятого братьями Маккавеями, с господством Селевкидов было покончено, и Палестина обрела наконец независимость. Увы, как оказалось, ненадолго. В 63 году до н. э. в династическую смуту, вспыхнувшую в стране после смерти иудейского царя Александра Янная, вмешались римляне, которым также не терпелось поскорее овладеть этим стратегически важным регионом. Прославленный римский полководец Гней Помпей Великий вошёл с войсками в Иерусалим и установил над Иудейским царством римский протекторат. Тем самым было положено начало римской агрессивной политике, направленной на покорение всей Палестины.

Впрочем, римляне не сразу взяли Иудею под свой непосредственный контроль. Некоторое время в стране продолжали царствовать слабые и зависимые от Рима наследники из местной династии Хасмонеев, а с 40 года до н. э. в течение 36 лет Иудеей управлял ставленник римлян Ирод Идумеянин, сумевший через своих друзей в Риме получить царский титул. Чтобы удержаться на троне, Ирод заискивал перед римским императором и его фаворитами, беспощадно подавлял любые выступления против иноземных захватчиков, тратил огромные суммы на подарки императору, устраивал роскошные приёмы в честь римских чиновников и военачальников. Понятно, что такая политика требовала громадных средств, которые беспощадно выколачивались из населения Иудеи.

Ирод установил в подвластной ему стране режим кровавых репрессий. Мнительный и подозрительный, он замечал вокруг себя одни лишь интриги и измену. Стремясь любой ценой сохранить за собой власть, Ирод не останавливался даже перед убийством ближайших родственников. Он казнил одну из своих жён – любимую Мариамму, тещу, трёх своих сыновей, родную сестру и её мужа и ещё много других родственников. Когда об этих убийствах стало известно в Риме, император Август, не удержавшись, сказал, что гораздо лучше быть «свиньёй Ирода, чем его сыном» [35]. Тем самым император, по всей видимости, намекал на то, что Ирод, который всегда старался выглядеть правоверным иудеем, скорее побрезгует убить свинью, нежели человека.

Тяжкий налоговый гнёт, раболепие перед римлянами, постоянные жестокости и кровопролития провоцировали население Иудеи на частые и массовые восстания, которые беспощадно подавлялись Иродом. К концу своего правления он настолько был ненавистен народу своей страны, что имя его стало нарицательным для обозначения наиболее жестоких представителей рода человеческого.

И всё же, каким бы тяжким гнётом для подданных Ирода ни оборачивалось его долгое царствование, Иудея при нём хотя бы внешне сохраняла видимость независимого государства. Конечно, без разрешения императора Ирод не мог принять ни одного мало-мальски важного политического решения, но зато еврейское население было избавлено от самых явных унижений, связанных с иностранным присутствием. Римские армии не вторгались в страну, как во времена Помпея, требуя дань и продавая в рабство тех, кто не мог её заплатить. На протяжении всех 36 лет своего правления Ирод ни разу не принял на свои земли римских поселенцев из числа солдат, окончивших службу, как это практиковалось в других провинциях. И, наконец, Ирод не пустил в Иудею римских чиновников и мытарей – большое, надо сказать, преимущество по сравнению с позднейшими временами, когда эти хищники беспрепятственно хлынули в страну.

После смерти Ирода в 4 году до н. э. его владения были поделены между тремя его сыновьями (от десяти жён у него было пятнадцать детей). Примерно половина царства Ирода (Иудея, Самария и Идумея) досталась Архелаю, Ирод Антипа получил Галилею и Перею, остальное выпало на долю Филиппа.

Жестокость, с которой правил Архелай в Иудее, привела к тому, что в 6 году н. э. император Август, опасаясь народных волнений, сместил его и отправил в ссылку. Владения, принадлежавшие ранее Архелаю, были превращены в римскую провинцию, управляемую особым римским чиновником – прокуратором. (Должность, надо заметить, не слишком высокая, ибо подчинённая по службе наместнику Сирии.) Первым по счёту прокуратором Иудеи стал Копоний (6—9 годы н. э.), а пятым – знаменитый Понтий Пилат (26—36 годы), сыгравший такую важную роль в жизни и смерти Иисуса Христа. Ирод Антипа и Филипп ещё некоторое время продолжали управлять каждой своей областью. Чередование римских наместников ненадолго приостановилось в 38 году, когда Ирод Агриппа I, внук Ирода Великого, по прихоти Калигулы снова стал царём Иудеи. После смерти Ирода Агриппы в 44 году вся страна окончательно превратилась в римскую провинцию.

Для поддержания своей власти римляне разместили в Иудее военные силы – примерно 3 тысячи солдат вспомогательных войск. Они использовались в основном для несения полицейской и таможенной службы. В самом Иерусалиме в крепости Антония была расквартирована одна когорта (до 600 человек), остальные войска находились в Кесарии Приморской – постоянной резиденции прокуратора. По большим праздникам прокуратор с дополнительными силами являлся в Иерусалим, чтобы лично наблюдать за порядком. Этим, кстати, и объясняется присутствие Понтия Пилата в Иерусалиме во время ареста Иисуса. Если случались особо крупные волнения, с которыми нельзя было справиться собственными силами, то в Иудею вызывались подкрепления из Сирии, где стояли четыре римских легиона, предназначенных для защиты восточных границ империи.

Римское владычество в Иудее означало для евреев не только утрату свободы или экономический гнёт. Гораздо сильнее оскорбляло их то унижение, которому подверглась Моисеева религия. Как это всегда случается с угнетёнными народами, религия в Иудее стала своего рода последней линией обороны в противостоянии иноземным захватчикам. Евреям казалось, что если они, потеряв свободу, ещё и веру свою отдадут на поругание, то это будет означать конец всему. Хотя римляне в Иудее в целом старались придерживаться обычной для них практики уважения чужих религиозных культов, евреи всё равно чувствовали себя глубоко уязвлёнными. Они долго не могли забыть, как Помпей, движимый любопытством,

вошёл в Святое Святых, самое священное место в Иерусалимском храме, куда мог заходить один только первосвященник, да и то раз в году [36]. После этого случая евреи пребывали в постоянной тревоге, опасаясь, что когда-нибудь подобное кощунство повторится, а римляне, как нарочно, допускали то одну, то другую оплошность в отношении иудейских святынь. То они забирали на «хранение» парадное облачение первосвященников, раздражая без особой нужды народ, то требовали выдать часть храмовых сокровищ для покрытия неотложных расходов оккупационной администрации, то пытались установить в Иерусалиме изображения императора, хотя это было строжайше запрещено Моисеевым законом. Понятно, что все эти эксцессы не прибавляли популярности римской администрации среди её иудейских подданных.

2

Римское завоевание Палестины происходило на фоне мощного подъёма национального самосознания еврейского народа. Начавшись примерно в III веке до н. э., этот подъём, постепенно усиливаясь, превратил евреев в самый беспокойный и отчаянный народ на всём тогдашнем Средиземноморье. Даже потерпев поражение в первых же столкновениях с закалёнными римскими легионами, евреи отказывались признать себя окончательно побеждёнными и горели желанием во что бы то ни стало продолжать борьбу. По всей стране кишели «банды разбойников», нападавшие на римлян и их еврейских приспешников. Волю к сопротивлению подогревала и насильственная романизация Палестины со всеми её характерными атрибутами, оскорбительными для каждого правоверного иудея, – гимнасиями, аренами, колоннами в греческом стиле и, что самое возмутительное, с бесчисленными «идолами» (статуями), установленными в общественных местах. Римляне пытались сбить волну недовольства жесточайшими репрессиями, убивая всех подвернувшихся под руку, не делая различия между виноватыми и безвинными, вооружёнными и безоружными. Иосиф Флавий рассказывает, что однажды в Иерусалиме по приказу сирийского наместника Квинтилия Вара было распято сразу две тысячи бунтовщиков [37]. Кресты с висящими на них распятыми людьми стали с тех пор привычным элементом иудейского пейзажа. Но никакие, даже самые страшные кары не могли привести иудеев к покорности. Римляне, поражённые упорством, с каким евреи сопротивлялись любым попыткам добиться их подчинения, говорили, что у этого народа ненависть ко всему роду человеческому.

Идеологией еврейского сопротивления стала фанатичная вера в скорый приход Мессии (от древнееврейского «машиах» – «помазанник»). Смутно догадываясь, что борьба один на один с могучей Римской империей окажется не по силам маленькой Иудее, еврейское население, обращая свои взоры к небу, иступлённо ждало избавителя-Мессию, который с помощью сверхъестественных сил покарает иноземных угнетателей и освободит народ Израиля. Многие евреи в то время действительно думали, что древние библейские пророчества, возвещавшие появление царя-освободителя, посланного Богом, чтобы спасти свой народ от унижений и страданий, должны будут вот-вот исполниться. *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф.3:2) – этот страстный призыв Иоанна Крестителя, без сомнения, очень точно отражает господствующие настроения той переломной эпохи. Многие иудеи, охваченные лихорадочным нетерпением, были убеждены, что неминуемый «конец» можно ускорить, если не отсиживаться по домам, а продемонстрировать свою готовность сотрудничать с Яхве в осуществлении Его Божественного замысла. Не желая более ждать ни дня, они надеялись с оружием в руках отстоять свободу и тем самым приблизить наступление Царства Божия. В этой накалённой атмосфере мессианская идея стала быстро превращаться из некоей абстрактной мечты в своего рода практическое руководство к действию.

«Усовершенствованную» мессианскую идею одним из первых взял на вооружение Иуда Галилеянин из города Гамалы, происходивший из семьи потомственных бунтарей. Его отец Иезекия с группой «разбойников» был казнён Иродом, а сам Иуда, его сыновья и внуки всю свою жизнь провели в борьбе с римской властью. В 6 году н. э. Иуда вместе с фарисеем Саддуком организовал религиозную партию «зелотов», или «зилотов» («ревнителей»), поднявшую антиримское восстание. По словам Иосифа Флавия, *«Иуда объявил позором то, что иудеи мирятся с положением римских данников и признают своими владыками, кроме Бога, ещё и смертных людей»* [38]. Зелоты с оружием в руках вели упорную партизанскую войну против римского владычества, за восстановление независимости Иудеи, против местной аристократии, связанной с чужеземными поработителями. Движение зелотов пользовалось большой популярностью и сочувствием среди простого народа. К этой группировке, по всей видимости, принадлежал в своё время и один из ближайших сподвижников Христа, апостол Симон по прозвищу *«Зилот»* (Лк.6:15).

Недовольство тяжким иноземным гнётом, нарастая и усиливаясь на протяжении почти целого столетия, в конце концов вылилось в грандиозное иудейское восстание 66—73 годов, потрясшее до основания господство римлян в Палестине и потребовавшее мобилизации почти половины всех военных сил огромной империи для борьбы с этим маленьким, но гордым народом.

Но даже потерпев поражение в неравной борьбе, даже потеряв в 70 году свой Храм, разрушенный при штурме Иерусалима войсками римского полководца Тита, евреи не смирились. В 132 году они подняли второе большое восстание под руководством Симона Бар Кохбы, жестоко подавленное после упорной трёхлетней борьбы императором Адрианом. На этот раз участь иудеев была ещё более суровой. Под страхом смерти им было запрещено селиться на территории Иудеи, а на месте разрушенного Иерусалима была основана римская военная колония Элия Капитолина. Те из евреев, кому удалось спастись, бежали на север, главным образом в Галилею, куда переместился политический и религиозный центр еврейской жизни. Многие предпочли от греха подальше уехать в дальние страны. Считается, что именно с этого момента и берёт своё начало многовековое изгнание еврейского народа.

3

Несмотря на очень сильные антиримские настроения, среди самих иудеев не было единства. Палестинское общество раздирали противоречия и конфликты, порождённые тяжким двойным гнётом Рима и местной аристократии. Большую роль в эксплуатации еврейского населения играл Иерусалимский храм, в пользу которого приходилось отчислять немалую часть доходов. В результате острых социальных противоречий палестинское общество оказалось расколотым на многочисленные религиозные и политические группировки, ожесточённо спорившие друг с другом как по политическим, так и по вероучительским вопросам. Накал страстей был так велик, что эти споры то и дело перерастали в вооружённые стычки между сторонниками враждующих партий. Не редкостью были, по свидетельству Иосифа Флавия, и убийства политических противников [39].

Если называть вещи своими именами, то, вероятно, не будет преувеличением сказать, что в рассматриваемую эпоху в Палестине медленно, но неуклонно вызревала самая настоящая революционная ситуация. Это было время, когда «низы» уже не хотели жить по-старому, непрерывно волновались и устраивали мятежи, а «верхи» в лице саддукейского жречества теряли последние остатки авторитета, и ничего, кроме презрения, к себе уже не вызывали. Римская администрация, ненавидимая буквально всеми, не исключая даже тех, кто перед нею заискивал, держалась на одних только «штыках».

Мощный национальный подъём, который переживали палестинские евреи, накладывал отпечаток на все конфликты той трагической эпохи, придавая им необычайную остроту

и напряжённость. Тогдашняя Палестина ничем не напоминала тихую, спокойную заводь, это был скорее грозный вулкан, пробудившийся от долгой спячки и готовый вот-вот с оглушительным грохотом взорваться.

Жестокая междоусобная борьба, постепенно разгораясь, достигла своего апогея во время восстания 66—73 годов, когда в осаждённом римлянами Иерусалиме вспыхнула настоящая гражданская война между иудеями, унёсшая, по мнению историков, больше жизней, нежели непосредственные военные действия против внешнего врага.

Группировки, существовавшие в Иудее, охватывали практически весь спектр господствующих в то время мнений и интересов. Религиозный и политический моменты в их мировоззрении, как правило, тесно переплетались, образуя причудливую смесь мессианских ожиданий, социального протеста и ненависти к римским захватчикам.

Откровенно соглашательскую позицию по отношению к римской власти занимала партия саддукеев, получившая своё название от Садока (Саддука), родоначальника древней священнической династии. Саддукеи признавали только письменный Закон и не желали знать никаких позднейших добавлений к нему. Ими полностью отвергалось бессмертие души и загробная жизнь на том основании, что в Торе об этом ничего не сказано. Представляя главным образом верхний слой храмовых священников и крупных землевладельцев, саддукеи отрицали исключительность еврейского народа, преклонялись перед достижениями эллинистической цивилизации и охотно сотрудничали с римской властью. В Синедрионе саддукеи составляли большинство. Религиозная и политическая жизнь саддукеев была настолько тесно связана с Храмом, что после его разрушения в 70 году они бесследно исчезли.

На противоположном полюсе находилось движение «зелотов» («ревнителей»), представлявшее, говоря современным языком, тогдашнюю «непримиримую оппозицию». Ещё более радикальной являлась подпольная группировка сикариев («кинжалыщиков»), появившаяся спустя два десятка лет после смерти Иисуса и выражавшая интересы социальных низов. Сикарии свирепствовали во многих городах Галилеи и Иудеи, убивая в уличной толчее римлян, а также представителей местной иудейской верхушки, запятнавшей себя сотрудничеством с врагом. Они даже не побоялись осквернить Иерусалимский храм, убив среди бела дня, в присутствии сотен верующих, первосвященника Ионатана, считавшегося креатурой римлян. Практиковали сикарии и захват заложников: они часто уводили с собой членов семей или близких кого-нибудь из аристократов и держали у себя до тех пор, пока не получали в обмен несколько пленных сикариев [40].

Зелоты и сикарии были теми группировками, которые позднее приняли наиболее активное участие в антиримском восстании 66—73 годов.

Колеблющиеся, промежуточные позиции занимали так называемые фарисеи (в переводе с еврейского — обособленные, отделившиеся), представленные учителями религиозного Закона, средним и низшим жречеством, торговцами, ремесленниками, чиновниками, менялами. Согласно Иосифу Флавию, группировка фарисеев насчитывала 6000 человек, что для такой маленькой страны, как Иудея, конечно же, являлось внушительной политической силой [41]. Фарисеи считали себя единственными хранителями истинно иудейского благочестия. Они считали необходимым целиком и полностью подчинить жизнь еврейского народа религиозным правилам. Фарисеи считали необходимым соблюдать не только библейские заповеди, зафиксированные письменно, но и множество правил, сохранившихся в устном предании. Они считали необходимым дополнять законодательство Моисея новыми положениями, которые, по их мнению, соответствовали изменившимся жизненным реалиям. Достигалось это изощрённым истолкованием Пятикнижия Моисея и в дальнейшем положило начало возникновению талмудического иудаизма. В отличие от саддукеев, фарисеи верили в бессмертие души, загробную жизнь, воскресение мёртвых. В этом моменте фари-

сеи сходились с христианами, поэтому не удивительно, что из их среды впоследствии вышло немало искренних последователей Христа, таких, как, например, апостол Павел.

Фарисеи – духовные предки современного иудаизма. После разрушения Храма и исчезновения саддукеев с исторической сцены фарисейская религиозная практика стала общеврейской нормой.

Фарисеи поддерживали в народных массах стремление к государственной независимости, но вместе с тем, трезво оценивая политическую ситуацию, не считали зазорным пойти в некоторых случаях на компромисс с римской властью. Они резко осуждали zelотов, как безрассудных фанатиков, не способных понять, что бросить вызов Риму в условиях громадного неравенства сил равнозначно самоубийству.

Существовала, наконец, религиозная секта так называемых ессеев, которые, в отличие от всех остальных группировок и течений, не пытались переделать окружающий мир на свой манер. Называя себя «сынами света» – в отличие от «сынов тьмы», к которым они причисляли всё остальное человечество, – ессеи обычно удалялись в безлюдные места, где селились большими изолированными общинами. Контакт с окружающим миром они тщательно избегали. Насчитывалось ессеев, по Иосифу Флавию, более 4000 человек [42]. Трудились, питались и молились ессеи совместно, также сообща владели имуществом. Ессеи признавали бессмертие души, верили в загробное воздаяние: по их представлениям, души грешников попадали в мрачную и тёмную пещеру, где пребывали в вечных мучениях, а души праведников, наоборот, оказывались в стране вечного блаженства. Считается, что учение, культ и организация общин ессеев оказали определённое влияние на развитие раннего христианства, хотя ессеи тяготели к строгой изоляции, а христиане с самого начала стремились привлечь к себе людей всех этнических и социальных групп. Иисус, несомненно, был знаком с учением и жизнью ессеев, что видно из следующего высказывания: «...сыны века сего догадливей сынов света в своём роде». (Лк.16:8). Здесь Иисусом употреблено одно из самоназваний ессеев – «сыны света».

После войны 66—73 годов, в которой ессеи приняли самое непосредственное участие, они навсегда исчезли из истории.

Помимо перечисленных нами основных партий – саддукеев, ессеев, фарисеев и zelотов – существовало множество других более мелких сект и группировок (в Талмуде утверждается, что их было двадцать четыре [43]), и все они соперничали друг с другом, стремясь доказать, что именно их учение является истиной в последней инстанции.

4

Ну а что же римские власти? Как они относились к бурной политической и религиозной жизни своих иудейских подданных? Как ни странно, вполне терпимо. За исключением тех немногих группировок, которые исповедовали откровенно экстремистские взгляды, все остальные партии и секты в своей деятельности не встречали сколько-нибудь серьёзных препятствий. В этом отношении маленькая Иудея представляла собой единственное исключение во всей необъятной Римской империи. Нигде больше, даже в самом Риме, населению не разрешалось создавать никакие общественные организации, даже такие, казалось бы, далёкие от политики, как литературные кружки и кассы взаимопомощи. Императорская власть, которой всюду мерещились призраки заговоров и мятежей, была уверена, что за этими невинными с виду союзами могут скрываться гораздо более опасные для неё сговоры. Уже Юлий Цезарь, а вслед за ним и Август распустили «все коллегии, за исключением самых древних» [44]. Позднейшие императоры заходили в своей подозрительности ещё дальше. Известен случай, когда император Траян не разрешил городским властям Никомедии, сильно страдавшей от пожаров, организовать добровольную пожарную команду

из 150 человек, мотивируя свой отказ тем, что такая организация рано или поздно превратится в прикрытие для заговорщиков [45].

Даже просто собраться на улице, чтобы обсудить те или иные насущные проблемы, подданные Римской империи не имели права – власти усматривали в таких действиях бунт или подготовку к бунту. В Деяниях Апостолов в одной из глав рассказывается о том, как серебряных дел мастера из греческого города Эфеса были возмущены проповедью апостола Павла (мастера усмотрели в ней угрозу своим экономическим интересам). Городской «блюститель порядка», увидев многолюдное «сборище», начал уговаривать мастеров разойтись по домам, чтобы не оказаться обвинённым вместе с ними в подготовке какого-нибудь антиправительственного заговора:

«Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга... Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище. Сказав это, он распустил собрание» (Деян.19:38—40).

На этом тусклом фоне общественная жизнь Палестины выглядела гораздо привлекательней. Евреям – единственному народу во всей необъятной Римской империи – было позволено беспрепятственно создавать любые общественные организации (за исключением террористических, разумеется). Ещё при Юлии Цезаре вышло правительственное постановление, исключавшее еврейские организации из объединений, считавшихся нелегальными [46]. Император Август, продолжая политику уступок, предписал своим наместникам на Востоке не применять к евреям суровые римские законы, касающиеся собраний и ассоциаций [47].

У евреев были и другие привилегии. Они не служили в армии, были освобождены от участия в обязательных языческих культах, обладали юридической автономией, в то время как римское право считалось одним из основных средств унификации империи. Наконец, Иудея была единственной провинцией Римской империи, которой было позволено чеканить свою собственную монету.

Поразительные уступки, если вспомнить, что ничего подобного нигде в империи больше не было и быть не могло! De jure евреи считались побеждённым, завоёванным народом, но de facto добились для себя таких привилегий, которые даже и не снились коренным римлянам! Это настолько не вязалось с их официальным статусом, что дало философу Сенеке хороший повод съязвить: «Побежденные даруют законы победителям» [48].

Но чем же евреи заслужили такую необычайную благосклонность со стороны высшего начальства, если были отнюдь не самыми законопослушными подданными Римской империи? Как ни трудно в это поверить, именно своим бунтарским духом! Что бы там ни говорили затрущенные обыватели, а исторический опыт всех стран неопровержимо свидетельствует, что больше прав и привилегий всегда имеют не самые покорные, послушные и безответные народы, а, наоборот, наиболее мятежные и несгибаемые из них. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и во времена Иисуса непокорные и постоянно бунтовавшие иудеи пользовались, в отличие от всего остального населения Римской империи, существенными привилегиями и, в частности, имели право создавать политические и религиозные организации. Римляне, беспощадно подавляя непримиримую оппозицию в лице zelotim и sikkariim, сквозь пальцы смотрели на существование тех партий и группировок, которые не выступали открыто против их владычества, а занимались в основном религиозными спорами. Оккупанты прекрасно понимали, что запреты и гонения приведут лишь к радикализации этих партий и, чтобы не создавать себе дополнительную головную боль, старались без особой нужды еврейское население не раздражать. Что же касается религиозных споров, то римляне считали это неопасным занятием. «Пожалуйста, – говорили они, – болтайте кто что хочет,

только законы соблюдайте!» Будучи сами фактически безбожниками, давным-давно потерявшими веру в своих древних богов, римляне соглашались терпеть странное и непонятное иудейское религиозное рвение при условии, что это не повредит их господству в Палестине.

* * *

Завершая обзор эпохи, в которую жил и действовал Иисус, мы должны признать, что она была отнюдь не идиллической. Произвол и злоупотребления римских чиновников, непрерывные заговоры и мятежи, кровавые расправы без суда и следствия, ожесточённая борьба партий, ужасы индивидуального террора, яростные религиозные споры – вот что составляло повседневную жизнь Иудеи в I веке н. э. И вот в этой суровой, трагической обстановке и предстояло начать Иисусу из Назарета свою общественную деятельность.

Глава 6

«Партия» Иисуса

Партия – сторонники, сторона, общество, защитники, одномышленники, соумышленники, братья, товарищи по мнениям, убеждениям, стремлениям своим; союз одних лиц противу других, у коих иныя мнения.

Владимир Даль «Толковый словарь живого великорусского языка», 1880—1882 гг. [49].

Вера по существу партийна. Кто не за Христа, тот против Христа.

Людвиг Фейербах «Сущность христианства», 1841 г. [50].

1

Как было отмечено в предыдущей главе, ожесточённая борьба партий составляла характернейшую черту общественной жизни Палестины в I веке н. э. Это было время, когда множество молодых энергичных людей, не дожидаясь сверхъестественного спасения от Мессии, пытались собственными силами приблизить наступление Царства Божьего. Одни из них в поисках истины становились учениками знаменитых раввинов – авторитетных толкователей Торы, другие пополняли ряды радикальных националистических группировок, вроде zelотов и сикариев, третьи присоединялись к разного рода авантюристам, искателям приключений и просто шарлатанам.

Менее всего тогдашние иудеи – современники Иисуса – походили на равнодушных, вялых и аполитичных обывателей. В большинстве своём это были энергичные, смелые и решительные люди, готовые ради великой цели рискнуть не только личным благополучием, но и собственной жизнью. Они не отсиживались по домам, отговариваясь неотложными семейными заботами, а стремились на улицы, в гущу народа, чтобы, сплотившись, всем вместе отстаивать общие интересы. Дошедшие до нас исторические свидетельства рисуют потрясающую картину массового героизма и самоотверженности, проявленных в те годы населением Иудеи в борьбе за свободу и независимость.

В те смутные времена едва ли не каждый взрослый мужчина в Иудее стремился так или иначе проявить себя на общественном поприще, присоединяясь к уже существующим группировкам или же пытаясь организовать свою собственную. Иисус в этом отношении не был исключением из общего правила. Живя в бурную героическую эпоху, он не мог оставаться в стороне от чаяний своего народа, и, конечно же, пытался собрать вокруг себя более или менее организованную группу приверженцев, или, как я буду в дальнейшем её называть, – «партию» Иисуса.⁷

Но прежде чем переходить к рассказу о «партии», созданной Иисусом, необходимо хотя бы в самых общих чертах остановиться на раннем, «допартийном» периоде его жизни. Это поможет нам лучше понять мотивы, побудившие его заняться проповедью Царства Божьего. В Евангелии от Луки говорится, что «Иисус, начиная Своё служение, был лет тридцати» (Лк.3:23), то есть уже достаточно зрелым человеком. Интересно, а что было в его жизни до этого момента? Как и почему увлёкся он общественной деятельностью? В Евангелиях об этом ничего не говорится, однако на основании некоторых косвенных признаков мы можем предполагать, что его решение посвятить себя проповеди не было эдаким внезап-

⁷ Под словом «партия» я понимаю не политическую организацию современного типа, а просто группу единомышленников, объединённых общей идеей. То есть я использую в своей работе одно из самых ранних и, наверное, самых точных значений этого слова.

ным озарением: пилил-пилил плотник Иешуа доску, ни о чём таком не думал, а потом вдруг бросил пилу, снял фартук и пошёл искать учеников... Как это обычно и бывает в реальной жизни, самостоятельному служению Иисуса должен был предшествовать более или менее значительный период идейных исканий и духовного самосовершенствования.

Как можно понять из евангельских текстов, Иисус, вероятнее всего, происходил из ортодоксальной еврейской семьи. Это видно даже по тем именам, которые носили он сам, его родители и братья. В тогдашней Палестине, испытывавшей сильное эллинистическое влияние, греческие имена были не редкостью, их носили многие саддукеи, некоторые первосвященники и даже двое из апостолов Христа – Филипп и Андрей. Однако в семье Иисуса, как видим, решительное предпочтение отдавалось старозаветным еврейским именам. О набожности Иосифа и Марии говорит и тот факт, что «выкупить»⁸ своего первенца-Иисуса они отправились в Иерусалим, а не сделали это на месте, у знакомого священника (Лк.2:27). Только очень благочестивые люди для этой цели предпринимали специальное путешествие в столицу.

Наконец, не следует забывать, что из этой семьи вышел не только Иисус, но и такой суровый ревнитель Закона, мрачный аскет и догматик, как Иаков Праведный – брат Господень. Это также подтверждает нашу догадку о том, что семья Иисуса была патриархальной, строго соблюдавшей все положенные Моисеевым законом обряды. (Подробнее о брате Господнем – в Главе 25.)

Именно в семье Иисус получил свои первые наставления в Моисеевой религии. Ветхозаветные заповеди предписывали еврейским родителям учить своих детей Закону (Втор.6:7; 11:19). Судя по некоторым свидетельствам античных авторов, этот обычай неукоснительно соблюдался, а в набожной семье плотника Иосифа – тем более. Получив начальные познания в Законе под руководством кого-то из близких, скорее всего, отца, Иисус в дальнейшем настойчиво занимался самообразованием. В Назарете, где он жил, синагоги, как отдельного здания, не было, поэтому жители собирались в одном из частных домов или же просто под открытым небом, если позволяла погода. Здесь они читали Тору, обменивались мнениями по поводу различных вероучительских вопросов, а нередко и спорили. Знаний и опыта набирался Иисус и во время обязательных для каждого правоверного иудея праздничных посещений Иерусалима; там пытливый молодой человек, по всей вероятности, вступал в учёные беседы с признанными знатоками Торы.

В результате Иисус приобрёл обширные познания в Писании. Как замечает Крейг Эванс, Иисус цитирует или ссылается в общей сложности на двадцать три из тридцати шести книг еврейской Библии (если считать книги Самуила, Царств и Паралипоменон тремя книгами, а не шестью) [51]. Своей огромной эрудицией Иисус поражал окружающих, которые говорили: «*Как Он знает Писания, не учившись?*» (Ин.7:15). Эта фраза подтверждает, что Иисус был гениальным самоучкой, дошедшим до всего своим умом, и не посещавшим никого из тогдашних общепризнанных учителей Закона.

Назарет – родная деревня Иисуса⁹, – не был, как стало теперь известно, сонным галилейским захолустьем. Располагался Назарет всего лишь в нескольких километрах от крупного города Сепфориса (Диокесарии) и поблизости от большой дороги, соединявшей два других значительных города – Кесарию Приморскую (на берегу Средиземного моря) и Тиберию (на берегу Галилейского озера). Это означает, что Иисус рос и развивался не в изоляции от внешнего мира, а имея возможность быть в курсе всех событий, которые волновали в то время еврейское население Палестины.

⁸ По Моисееву закону, первенцы мужского пола «*всякой плоти*» принадлежали жрецам, потомкам Аарона. Их полагалось у жрецов «*выкупать*» (Числ.18:15).

⁹ Назарет в Евангелиях именуется городом, однако, судя по недавним раскопкам, это была не слишком большая деревня с числом жителей от 200 до 400.

Иисус, как и его отец, был плотником или, если говорить более точно, – строителем в широком смысле этого слова, то есть и плотником и каменщиком в одном лице (греческое слово «тектон», которым в Евангелиях обозначается профессия Иосифа и Иисуса, может обозначать и плотника, и каменщика). Дома в безлесной Палестине строились из камня, а дерево, как дефицитный строительный материал, использовалось экономно, в основном для стропил и дверей. Впоследствии Иисус часто пользовался своим строительным опытом для того, чтобы проиллюстрировать с его помощью свои речи и притчи. В одной из притч он говорит о мудром человеке, который, затеяв строительство дома, копает глубоко и в основание кладёт камень (Лк.6:48).

Маленький Назарет не в состоянии был обеспечить всех своих жителей постоянной работой, поэтому Иисус с Иосифом искали заработок в других городах и посёлках и в первую очередь в расположенном неподалёку Сепфорисе. В этом галилейском городе при правителе (тетрархе) Ироде Антипе развернулось крупное строительство, поэтому сюда стекалось множество рабочих со всей Галилеи. Общаясь с ними, Иисус существенно расширил свой кругозор. В Сепфорисе ему приходилось сталкиваться с купцами, ремесленниками, законоучителями, представителями аристократии, а также с язычниками, как греками, так и римлянами. Знание повседневной городской жизни, которое чувствуется в евангельских притчах, наверняка было приобретено Иисусом в Сепфорисе.

Настойчиво занимаясь самообразованием, пройдя суровую школу тяжёлого ремесленного труда, Иисус приобрёл обширный жизненный опыт. Он вовсе не был, как его нередко изображают, простым, наивным, необразованным ремесленником. Судя по Евангелиям, он свободно ориентировался в Писании, удачно и к месту извлекая оттуда многочисленные примеры для подкрепления своих выводов. Подсчитано, что в синоптических Евангелиях Иисус пятнадцать или шестнадцать раз ссылается на Второзаконие, около сорока раз – на Исаяю и около тринадцати раз – на Псалтирь [52]. Признаком его учёности является и тот факт, что к нему обычно обращались «равви» («мой учитель»). В те времена называли так не только профессиональных «книжников», но и всех признанных знатоков Торы, независимо от того, кем они были по роду своих основных занятий. Давид Флуссер в своей книге «Иисус» пишет, что самыми сведущими в Писании считались тогда столяры. *«Когда возникал спор по поводу сложного вопроса, обычно говорили: «Нет ли здесь столяра, сына столяра, который смог бы решить нам этот вопрос?»* [53]. Иисус, как видим, был столяром или плотником, плотником был и его отец. Конечно, это не доказывает, что Иосиф с Иисусом были именно из таких грамотеев, но и не исключает.

Как и почти все люди активной жизненной позиции, Иисус, надо полагать, не сразу осознал своё истинное предназначение, а прежде соприкасался какое-то время с представителями различных сект и течений в иудаизме. Наверняка он был знаком с ессеями, хотя прямо об этом в Евангелиях и не говорится. Давид Флуссер обратил внимание на знаменитое славословие Иисуса: *«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твоё благоволение. Всё предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть... (Мф.11:25—27). После кумранских находок оказалось, – продолжает далее Флуссер, – что этот «вырвавшийся у Иисуса возглас ликования имеет аналоги в ессеической Книге Гимнов. Благодарение Иисуса начинается теми же самыми словами, что и большинство молитв в Книге Гимнов, и приближается к ним по своей ритмической структуре»* [54].

Иисус, конечно же, не был есеем, но знакомство с ними, с их учением, образом жизни, с их духовной литературой помогло ему выработать некоторые собственные приёмы убеждения людей.

Живя в Галилее, – местности, где зародилось движение zelотов, – Иисус обязательно должен был слышать об этих непримиримых борцах с римскими оккупантами. Однако в Евангелиях нет ни малейшего упоминания о каких-либо контактах Иисуса с zelотами. Почти наверняка можно утверждать, что он не общался с ними и не одобрял их деятельность. (Подробнее на эту тему мы поговорим в следующей главе.)

2

Незадолго до начала своего общественного служения Иисус приходил к Иоанну Крестителю, и был крещён им. Это и стало завершением идейных исканий Иисуса. Вскоре он покинул Иоанна, чтобы организовать новое движение в соответствии со своими собственными взглядами и убеждениями.

Все, кто верили Иисусу и горели желанием помогать ему, становились его единомышленниками-учениками. Сначала к нему пришли двое – бывшие последователи Иоанна Крестителя Андрей и ещё кто-то, не названный по имени (Ин.1:35—40). Следующим поверил и присоединился Симон, брат Андрея (Ин.1:41—42), затем Филипп, за ним Нафанаил (Ин.1:43—51) и т. д.

Какова была максимальная численность «партии» Иисуса? Евангелия об этом ничего не говорят. Они упоминают лишь о тысячах человек, приходивших слушать проповеди Христа. Понятно, что далеко не все из них становились потом учениками Иисуса, или, говоря иначе, членами его «партии». Лишь на основании косвенных признаков мы можем до некоторой степени судить о её численном составе. Так, автор Книги Деяний апостолов сообщает, что вскоре после Вознесения Христа, в Иерусалиме состоялось собрание, по-видимому, членов местной ячейки; их численность составила около ста двадцати человек (Деян.1:15—16). Для такого довольно крупного города, как Иерусалим, это, конечно, не много. Лучше обстояли дела в родной Иисусу Галилее. Там, по словам Павла, воскресший Иисус однажды *«явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили»* (1Кор.15:6).

Хотя Иисус, проповедуя, исходил вдоль и поперёк всю Палестину, вряд ли общая численность его сторонников даже в самые лучшие времена превышала 1000 человек.

Кем были ученики Иисуса в социальном плане?

Людьми самых разных состояний и положений, хотя, конечно, преобладали выходцы из социальных низов. Его ближайшие ученики-апостолы братья Симон Пётр и Андрей были рыбаками, рыбаками были и два других брата – сыновья Зеведея Иаков и Иоанн. Иисус, любивший игру слов, говорил рыбакам Петру и Андрею, что если они пойдут за Ним, то он сделает их ещё и *«ловцами человеков»* (Мф.4:19; Мк.1:17; Лк.5:10).

Андрей до знакомства с Иисусом был учеником Иоанна Крестителя (Ин.1:35—40). Между прочим, весьма правдоподобная деталь! Люди активной жизненной позиции не всегда с первого раза находят себе применение. Они часто переходят из одной организации в другую, пока в конце концов не найдут себе единомышленников. Симон по прозвищу Зилот, по всей видимости, примыкал к радикальной группировке Иуды Галилеянина.

Был среди апостолов и сборщик налогов – мытарь Матфей. Эта профессия считалась у евреев наиболее презренной. Дело в том, что римляне продавали право сбора налогов откупщикам или «мытарям», которые, опираясь на римскую администрацию, с лихвой выколачивали потраченные деньги из населения, не гнушаясь при этом никакими жестокостями. Однако Иисус, как мы видим, принял в число своих ближайших учеников одного из таких злодеев. Обычно это понимают, как его необычайную благосклонность ко всем изгоям общества. Думается, что такая точка зрения не совсем верна. Ведь Матфей, войдя в число апостолов, фактически перестал быть мытарем, отказался от своего презренного ремесла, то есть духовно переродился! Поэтому Иисус и не побоялся водить с ним дружбу. То же самое

относится и к другим мытарям, которые, как сообщает евангелист, неоднократно пировали совместно с Иисусом (Мф.9:10). Иисус разделял с ними трапезу только потому, что не считал их совсем пропащими людьми и, возможно, надеялся на их последующее исправление. А вот с нераскаявшимися, закосневшими в злодействах мытарями Иисус вовсе не был так любезен, как обычно думают; это прекрасно видно хотя бы из таких его слов: *«Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?»* (Мф.5:46); *«Если же не послушает их, скажи церкви; а если и церковь не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* (Мф.18:17).

То есть нераскаявшийся мытарь для Иисуса – это такая степень нравственного падения, ниже которой опускаться уже некуда.

Среди учеников и последователей Иисуса были и такие, которых можно отнести к иудейской верхушке. Об этом говорит евангелист: *«Из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги»* (Ин.12:42). Называют евангелисты и конкретные имена. Это фарисей Никодим, *«один из начальников Иудейских»* (Ин.3:1), а также Иосиф Аримафейский, *«знаменитый член совета»* (Мк.15:43) и *«ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев»* (Ин.19:38). Именно эти два богатых и влиятельных человека должны были сыграть немаловажную роль в дальнейшей судьбе Иисуса.

Упоминают евангелисты и представителей иудейской аристократии в качестве последователей, например, некоего царедворца, у которого был болен сын. После того, как Иисус исцелил его сына, царедворец *«уверовал сам и весь дом его»* (Ин.4:54).

3

Слово «партия» происходит от латинского «pars» или «partis», и в переводе означает «часть». Партия, таким образом, представляет собой некоторую часть общества, образовавшуюся и существующую на основе каких-либо идей или взглядов.

Судя по Евангелиям, Иисус именно так и представлял себя и своих учеников – обособленной группой или, если хотите, «партией», исповедующей идею Царства Божьего. Вот высказывание Иисуса, подтверждающее это наше предположение:

«Когда же остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче. И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним всё бывает в притчах» (Мк.4:10—11).

Как видим, Иисус четко отличает «своих», то есть тех, кто окружает его, от «внешних». «Свои» – это его ученики; они спаяны общей идеей, они вместе с ним делают одно большое дело, помогая распространять весть о Царстве Божьем по всей Палестине.

«Внешние» – это народ, это те, кто приходит слушать проповеди Иисуса, и вовсе не факт, что после этого они перейдут на его сторону. Обращаясь к «внешним», Иисус, чтобы быть правильно понятым, почти всегда использует в своей речи всевозможные аллегории, сравнения и притчи. А вот ученикам, чтобы понять Иисуса, притчи не требуются. «Вам дано знать тайны Царствия Небесного» – говорит Иисус ученикам, подразумевая под этим то, что они мыслят с ним одинаково, и полностью разделяют его убеждения. Собственно, ученики только потому и пришли к Иисусу, что он, как лидер общественного движения, немногими проникновенными словами умел выразить всё то, что они и сами в глубине души, должно быть, уже давно чувствовали и переживали.

В Евангелиях можно найти и другие изречения Христа, из которых видно, что он рассматривал себя и своих учеников именно, как «партию», то есть, как некоторую часть от чего-то общего или большего. Вот ещё одно из таких изречений: *«Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»* (Лк.12:32).

«Большое стадо» – это, понятное дело, всё иудейское общество, а «малое стадо» – это только часть этого общества, это его ученики, или, как мы условились именовать их в этой книге, – «партия» Иисуса.

Апостолы, по примеру Иисуса, также ощущали себя обособленной группой со своими собственными интересами. Это хорошо видно по одной из реплик апостола Петра: *«Тогда сказал Ему Пётр: Господи! к нам ли притчу сию говоришь, или и ко всем?»* (Лк.12:41).

4

Деятельность Иисуса вызывала злобу и ненависть со стороны правящей иудейской верхушки, и поэтому ему нередко приходилось «уходить в подполье» (Ин.7:1; Мк.9:30; Мк.10:29—30). Некоторые евангельские эпизоды кажутся прямо-таки списанными с какого-нибудь авантюрного или «шпионского» романа. Вот Иисус посылает двоих учеников, чтобы они нашли, по всей видимости, заранее условленный дом, в котором надлежало состояться Тайной вечере.

«Настал же день опресноков, в который надлежало заколать пасхального агнца. И послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху. Они же сказали Ему: где велишь нам приготовить? Он сказал им: вот, при входе вашем в город, встретится с вами человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним в дом, в который войдёт он, и скажите хозяину дома: „Учитель говорит тебе: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?“ И он покажет вам горницу большую устланную; там приготовьте» (Лк.22:7—12).

Ясно, что в данном случае речь идёт о реалиях из быта подпольщиков: связных, паролях, явках по заранее условленному адресу и т. п. Таинственность всех приготовлений была вызвана реальной опасностью, которой подвергались в то время Иисус и его ученики. Если бы соседи конспиративной «квартиры» узнали, кто именно празднует Пасху неподалёку от них, то, надо полагать, донесли об этом властям, поскольку *«первосвященники же и фарисеи дали приказание, что, если кто узнает, где Он будет, то объявил бы, дабы взять Его»* (Ин.11:57).

В Евангелиях есть один любопытный эпизод, в котором Иисус предстаёт опытным, «матёрым» конспиратором. Однажды ему потребовалось обязательно попасть в Иерусалим на праздник Кушцей, хотя это и было небезопасно – ведь *«Иудеи искали убить Его»* (Ин.7:1). Тогда Иисус решил перехитрить врагов. Своим братьям, собирающимся в Иерусалим, он сказал, чтобы они шли одни, без него: *«Вы пойдите на праздник сей, а Я ещё не пойду на сей праздник, потому что Моё время ещё не исполнилось»* (Ин.7:8). Но когда братья ушли, то Иисус, помедлив некоторое время, отправился вслед за ними и неожиданно для всех появился в Иерусалиме.

Почему Иисус заранее не сказал братьям, что намерен, как и они, идти на праздник? Для чего ввёл их в заблуждение? Очевидно, только для того, чтобы о его замыслах раньше времени не проведали враги. Нет, Иисус не думал, что братья выдадут его. Боже упаси! Просто он на всякий случай решил подстраховался: ведь если даже свои ничего не будут знать, то враги и подавно. А то ведь мало ли какие бывают непреднамеренные обмолвки...

Кстати, не Синодальный, а подстрочный перевод с греческого подтверждает эту нашу догадку. Подстрочный перевод звучит так: *«Вы взойдите на праздник; я не восхожу на праздник этот, потому что моё время ещё не исполнилось»*.

Как видим, смысл предложения совершенно другой. Наречие «ещё», вставленное в Синодальном переводе перед «не пойду на сей праздник», смягчает ответ Иисуса братьям. Если в оригинальном греческом тексте Иисус заявляет категорически и без обиняков: *«Вы идите, а я не пойду!»*, то в Синодальном переводе смысл его ответа совершенно меняется:

«Вы идите, а я ЕЩЁ не пойду!» То есть не пойду именно сейчас, именно в этот момент, а, скажем, через три часа пойду. Или через день. Или через неделю.

Синодальным переводчикам, очевидно, не понравилось, что Иисус Христос вводит в заблуждение своих братьев, и они поспешили текст немного подправить. И тем самым исказили портрет Иисуса. Если в оригинальном тексте Иисус предстаёт хитроумным и смелым общественным деятелем, применяющим нестандартные способы для достижения цели, то в Синодальном переводе – скучным, благостным и постным, как ходячая икона.

Между прочим, эта «военная хитрость», применённая Иисусом, – обычный приём всех мало-мальски грамотных полководцев, готовящих внезапный удар по врагу. Планируя наступление, они всегда распускают слухи о предстоящей обороне, в том числе и среди собственных войск. А если свои солдаты будут уверены, что им предстоит обороняться, а не наступать, то противник – тем более.

Глава 7

Апостолы

С самого начала Иисус избрал себе наиболее близких соратников. Они были свидетелями с самого первого часа его миссии и сыграли важную роль после его смерти в раннем христианском сообществе. Среди них Иоанн «излюбленный» и Пётр. Их назовут апостолами...

Жерар Бесьер «Иисус Христос. Ожидаемый и неожиданный», 1993 г. [55].

1

Двенадцать апостолов занимают среди учеников Иисуса особое место, составляя при нём как бы руководящую коллегию или комитет. Почти все они сотрудничали с Иисусом с самых первых дней существования «партии» и, за исключением одного лишь Иуды Искарота, сохранили верность учителю вплоть до самого своего смертного часа.

Сцена призвания апостолов Иисусом Христом присутствует у всех четырёх евангелистов. Синоптики изображают её так. Идя как-то раз по берегу Галилейского моря, Иисус встретил двух рыбаков, двух братьев – Симона и Андрея – и сказал им: «Идите за Мною!», и братья, ничего у него не спросив и не задав ему ни единого вопроса, покорно выполнили приказание: «*И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним*» (Мф.4:19—20).

Не очень-то похоже на описание реальных событий!

Точно таким же образом, если верить синоптикам, оказались в «партии» Иаков и Иоанн Зеведеевы (Мф.4:21—22), Левий Алфеев (Мк.2:14) и, надо полагать, все остальные ученики Иисуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.